

Харуки Мураками

Воскресным вечером телелюди
вошли в мою квартиру

TV-люди

Мураками
.*ハルキ*

Содержание

TV-люди (TV-Pihpuru)	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	39
Самолет, или Как он разговаривал сам с собой стихами	49
Фольклор нашего времени. Ч.1	64
Фольклор нашего времени. Ч.2	83
Кано Крита	103
Зомби	114
Сон	120
Глава 1	120
Глава 4	134
Глава 2	143

Глава 3	156
Глава 5	164
Глава 6	176

Харуки Мураками TV-люди (TV-Pihpuru)

TV-люди (TV-Pihpuru)

Глава 1

Воскресным вечером телелюди вошли в мою квартиру.

Была весна. Кажется, что весна. По крайней мере, было и не жарко, и не холодно.

Но, сказать по правде, сезон в данной истории не имеет большого значения. Важно то, что это случилось воскресным вечером.

Не люблю я воскресные вечера. Как бы объяснить... все, что с ними связано, то есть саму обстановку воскресного вечера, я не люблю. С приближением воскресного вечера у меня обязательно начинается дергать в голове. Когда сильнее, когда слабее. Но дергает обязательно. Внутри висков, в сантиметре или двух от кожи, дергает с обеих сторон так, как будто что-то тянет мягкий белый сгусток плоти наружу. Ощущение, что из середины виска вылезает невидимая нить, а

кто-то издалека, схватив за самый кончик, потихоньку дергает за нее. Мне не особенно-то и больно. Я бы не удивился, если бы было больно, но, как ни странно, не больно. Будто глубоко ввели длинную иглу в онемевшее от наркоза место.

А еще я слышу звуки. Их даже и звуками-то не назовешь, какой-то скрип, который издает глубокая тишина в темноте. Мне слышится: КРЗШ-а-а-аТР, КРЗШ-а-а-аТР, цуцуцуцу, КРЗМУ-у-уС. То есть сначала первый симптом. Начинает дергать в висках. А затем и картина перед глазами начинает слегка искривляться. Предчувствия тянут за собой воспоминания, воспоминания тянут предчувствия, будто волнение на воде во время прилива. В небе плывет белый месяц, похожий на только что вскрытую бритву, корни сомнений стелются в глубине темной земли. Нарочно, чтобы мне досадить, какие-то люди шумно идут по коридору. И мне слышится: КРСПАМУКдаб КРСПАМУКдабукк КРСПАМУКкуб. Именно поэтому телелюди вошли в мою квартиру воскресным вечером. Словно унылая мысль, словно таинственный бесшумный дождь, они тихонько прокрались в дом под покровом сумерек.

Глава 2

Но прежде нужно сказать несколько слов о том, как выглядят телелюди.

Размер тела у телелюдей немного меньше моего и вашего. Не скажешь, что они настолько малы, что это бросается в глаза. «Немного» меньше. Скажем, процентов так на двадцать – тридцать. При том, что все части тела пропорционально малы. Поэтому с точки зрения терминологии вернее было бы сказать, что они не малы, а уменьшены.

Если вам где-нибудь на глаза попадутся телелюди, вы, вероятно, сразу и не обратите внимания на то, что они малы. Все равно они произведут на вас странное впечатление. Можно ли назвать это впечатление неприятным? Вы наверняка подумаете, что что-то тут не так. А потом еще раз внимательно посмотрите на них. С первого взгляда вы не увидите ничего неестественного, ну а потом неестественное само бросится в глаза. Телелюди малы совсем не так, как дети или карлики. Когда мы смотрим на детей и карликов, то чувствуем, что они «малы», однако в большинстве случаев понимание это рождается из-за неверной пропорции их тел. Конечно, они малы, но не все тело пропорционально мало. Пусть у них маленькие

ручки, зато большая голова. Это привычно. Однако малые размеры телелюдей – совершенно иная история. Телелюди похожи на масштабированную копию, механически откалиброванную. Если рост уменьшен на тридцать процентов, то и ширина плеч на тридцать процентов, и размер ноги, и размер головы, и размер ушей, и длина пальцев – тоже на тридцать процентов. Словно точная пластиковая моделька, которая чуть меньше реального предмета.

А еще можно сказать, что они напоминают модель закона перспективы. Несмотря на то что они перед тобой, кажется, будто находятся они далеко. Поверхность искривлена и покрыта рябью, как у картинок – оптических иллюзий. Вроде до них рукой подать, но никак не достанешь. А на то, до чего, кажется, и не дотянешься, натыкаешься рукой.

Это телелюди.

Это телелюди.

Это телелюди.

Это телелюди.

Глава 3

Их было трое.

Они не стучались в дверь и не звонили в звонок. Да и не здоровались. Они просто тихонько вошли в квартиру. Не было слышно даже шагов. Один из них открыл дверь, двое других внесли телевизор. Не особенно большой. Совершенно обычный телевизор.

«Sony». Мне казалось, что я закрывал дверь на ключ, однако уверенности в этом не было. Хотя, может, я просто забыл закрыть дверь. В то время меня не особенно заботил вопрос ключа, поэтому я не уверен в этом вопросе. Просто мне кажется, что дверь я все-таки закрывал.

Когда они пришли, я валялся на диване и смотрел в потолок. Дома, кроме меня, никого не было. Этим вечером жена встречалась с подругами. Одна из тех встреч, когда несколько приятельниц, друживших в старших классах, собираются поболтать и все вместе идут ужинать в какой-нибудь ресторан. Перед уходом жена сказала:

– Поешь как следует! В холодильнике овощи и заморозка. С этим ведь ты и сам справишься? А еще вытащи белье, пока не стемнело.

Я сказал, что без проблем. Мне все равно. Это же

всего-навсего ужин. Всего-навсего белье. Мелочи. Я запросто с этим разделаюсь. СРЮппП КРУ-у-у-Ц.

– Что ты сказал? – спросила жена.

– Ничего не говорил, – ответил я.

Поэтому всю вторую половину дня я в одиночестве лежал на диване и бездельничал. Мне нечем было больше заняться. Я немного почитал. Новый роман Гарсиа Маркеса. Немного послушал музыку. Немного выпил пива. Однако ни на чем не мог сосредоточиться. Тогда я решил завалиться на кровать и поспать. Однако не смог сосредоточиться и на том, чтобы заснуть. Поэтому устроился на диване и смотрел в потолок.

Воскресными вечерами я всегда вот так занимаюсь разными делами понемногу. Что ни начинаю, бросаю на полпути. Никак не получается остановиться на чем-либо. А с утра ведь такое ощущение, что все пойдет как по маслу. Думаю, сегодня прочитаю книжку, послушаю вот эту пластинку, напишу ответ на письмо. Думаю, вот уж сегодня я точно наведу порядок в ящиках стола, куплю все необходимое и в кои-то веки помою машину. Однако переваливает за два, за три часа, постепенно наступает вечер, а у меня ничего так и не получается. И в результате, как и всегда, я в растрепанных чувствах лежу на диване. Тиканье часов отдается в ушах. ТаРуППК СЯУС ТаРуППК СЯУС. Эти

звуки, будто капли дождя, потихоньку стирают все вокруг. Кажется, что все в этом воскресном вечере понемногу стирается, а масштаб понемногу уменьшается.

Глава 4

Телелюди и не думали замечать моего присутствия. У всех троих был такой вид, будто меня вовсе нет. Они открыли дверь и втащили телевизор в комнату. Двое поставили телевизор на сервант, третий воткнул вилку в розетку. На серванте стояли настольные часы, валялась гора журналов. Часы были свадебным подарком наших друзей. Огромные и тяжелые. Такие же огромные и тяжелые, как само время. «ТаРуППК СЯУС ТаРуППК СЯУС», – звучало в комнате. Телелюди сняли их с серванта и поставили на пол. Я подумал, жена наверняка рассердится. Она ненавидела, когда вещи как попало перемещали по комнате. Если вещь оказывалась не на своем месте, у жены очень портилось настроение. К тому же, если часы будут стоять на полу, я ночью наверняка споткнусь о них. Я всегда после двух часов просыпаюсь и иду в туалет, а со сна всегда обо что-нибудь споткнусь или налечу на что-нибудь.

Затем телелюди убрали журналы и положили их на стол. Это журналы жены. (Я почти не читаю журналов. Не читаю ничего, кроме книг. Лично я считаю, что большой беды не было бы, если бы все журналы на свете обанкротились и исчезли.) Такие журналы, как,

скажем, «Elle», или «Marie Claire», или «Домашнее хозяйство в иллюстрациях». Они аккуратной стопкой лежали у нас на серванте. Жене не нравилось, когда дотрагивались до ее журналов. Если нарушить порядок, в котором они были сложены, шум поднимет обязательно. Поэтому я и не приближался к журналам жены. Даже не брал полистать. Однако телелюди ничтоже сумняшеся смахивали с серванта один журнал за другим. Не похоже было, чтобы они бережно относились к журналам. Они просто хотели переложить их с серванта в какое-нибудь другое место. Журналы, лежавшие сверху, оказались внизу. «Marie Claire» оказался на «Croissant». «Домашнее хозяйство в иллюстрациях» оказался под «Anan». А это неправильно. К тому же они выронили закладки, оставленные в некоторых журналах женой. На страницах с закладками была информация, представлявшая для нее ценность. Какая информация и насколько она была важна, я не знаю. Возможно, она была нужна для работы или просто ей лично. В любом случае, для жены это была важная информация. Наверняка она будет очень ругаться, подумал я. Что-нибудь вроде: «В кои-то веки я встретилась с подружками, вернулась в прекрасном настроении, а дома, как всегда, такой развал». Этот текст я знаю наизусть. Я вздохнул. А затем помотал головой.

Глава 5

В результате на серванте не осталось ничего. Затем телелюди поставили туда телевизор. Воткнули вилку в розетку на стене и щелкнули переключателем. Раздались щелчки, и экран побелел. Они немного подождали, но изображения так и не появилось. С пульта они стали перебирать каналы. Однако на всех каналах был только белый свет. Антенна, наверное, не подключена. Где-то в комнате есть разъем для антенны. Кажется, когда мы въезжали в этот дом, управляющий что-то рассказывал о подключении антенны. Вроде вот здесь и вот так надо подключить. Однако где это место, я не мог вспомнить. У нас нет телевизора, поэтому я совершенно об этом забыл. Однако телелюди, казалось, не испытывают никакого интереса к тому, чтобы наладить трансляцию. Не похоже, что они пытаются найти разъем для антенны. Пусть экран будет белым, пусть не будет никакого изображения, они абсолютно не возражали. Нажать на переключатель, включить питание – казалось, на этом их цель достигнута.

Телевизор был новым. Не в коробке, но с первого взгляда можно было сказать, что он совершенно новый. Инструкция по эксплуатации и гарантийный

талон в полиэтиленовом пакете были прикреплены скотчем к боковой стенке телевизора. Шнур блестел как свежая рыбина.

Все трое смотрели на белый экран телевизора из разных углов комнаты, будто что-то проверяли. Один из телелюдей подошел ко мне и проверил, виден ли экран телевизора с того места, где я сидел. Телевизор был установлен прямо напротив меня. И на небольшом расстоянии. Кажется, они были довольны этим.

Чувствовалось, будто работа, в общем, была завершена. Один из телелюдей (тот самый, который подходил ко мне, чтобы проверить экран) положил пульт на стол.

За это время телелюди не сказали ни слова. Словно действовали четко по инструкции. Поэтому необходимости что-либо говорить не было. Все трое эффективно выполнили возложенные на них обязанности. Очень умело. Проворно. И времени на работу затратили мало. В конце один из телелюдей взял в руки часы, составленные на пол, и какое-то время разглядывал комнату в поиске подходящего для них места, однако, так и не найдя, оставил эту затею и вновь поставил их на пол. На полу они тяжеломерно продолжали выбивать время. Квартира, в которой я живу, довольно тесная, а с моими книгами и материалами жены вообще некуда ступить. Когда-нибудь я непременно спо-

ткнушь об эти часы, подумал я и вздохнул. Несомненно. Обязательно споткнусь. Могу даже поспорить.

Все трое были одеты в темно-синие плащи. Не знаю, из чего, но такое чувство, что из какой-то гладкой ткани. А еще в синие джинсы и теннисные туфли. И одежда, и обувь были в чуть уменьшенном масштабе. Я долго наблюдал за тем, как они двигаются, пока мне не стало казаться, что это мой масштаб неправильный. Такое чувство, что надел очки с сильными диоптриями и еду на американских горках задом наперед. Искривленная картинка движется наоборот. Приходит в голову, что баланс мира, в который ты бессознательно был помещен, не был чем-то абсолютным. Вот такие чувства вызывают телелюди у тех, кто на них смотрит.

Телелюди так до самого конца и не сказали ни слова. Они втроем еще раз проверили экран, еще раз убедились в том, что нет никаких проблем, и с пульта выключили телевизор. Белый экран сразу погас, потрескивание тоже смолкло. Экран стал вновь невыразительно серым. За окном стало темнеть. Послышался звавший кого-то голос. Кто-то медленно прошел по коридору в нашем доме. Как всегда, очень громко, слышалось в шагах кожаных ботинок. Воскресный вечер.

Телелюди еще раз оглядели комнату, словно что-

то проверяли, а затем открыли дверь и вышли. Точно так же, как и пришли, совершенно не обратив на меня внимания. Они вели себя так, будто меня вовсе не существует.

Глава 6

С того момента, как телелюди вошли в квартиру, и до того, как вышли из нее, я не двинулся с места. И не сказал ни слова. Все это время я лежал на диване и наблюдал за их работой. Вы, наверное, скажете, что это неестественно. А еще добавите, что это как-то странно – просто молча наблюдать за тем, как к тебе в квартиру неожиданно приходят незнакомые люди, да еще и трое.

Но я ничего не сказал. Просто молча наблюдал за тем, как развивается ситуация. Наверное, так произошло оттого, что они категорически отрицали факт моего существования. Если бы вы оказались в такой же, как я, ситуации, думаю, что поступили бы аналогичным образом. Я не пытаюсь оправдать себя, однако когда чужие люди у тебя перед глазами абсолютно игнорируют твое присутствие, то и сам начинаешь постепенно терять уверенность в том, что существуешь.

Бросаешь взгляд на свои руки, а они начинают казаться прозрачными. Похоже на своего рода ощущение бессилия. Заклятие. Собственное тело, собственное существование постепенно становятся прозрачными. Я теряю способность двигаться. Ничего не могу сказать. И остается лишь наблюдать за тем, как

трое телелюдей оставляют в моей комнате телевизор и уходят. Не удается открыть рот. Становится страшно услышать собственный голос.

После того как ушли телелюди, я вновь остался один. Снова вернулось ощущение собственного бытия. Мои руки вновь стали моими руками. Только тут я заметил, что тьма без остатка поглотила вечер. Я включил в комнате свет. Закрыв глаза. Там все-таки был телевизор. Часы продолжали чеканить время.

Глава 7

Все это очень странно, однако жена не сказала ничего по поводу появления телевизора в комнате. Никакой реакции. Абсолютный ноль. Казалось, что она даже и не заметила. А это на самом деле странно. Ведь я же говорил, что она весьма чувствительная особа в отношении расположения мебели и вещей. Если в ее отсутствие в комнате хоть что-то было передвинуто или изменено, она ухватывает это с первого взгляда. Такая у нее есть способность. Затем она изгибает брови и ставит все так, как было прежде. А я не такой. Я считаю, что нет большой беды, если, скажем.

«Домашнее хозяйство в иллюстрациях» окажется под.

«Апан», а в подставке для карандашей окажется и ручка. Скорее всего, я этого и не замечу. Я думаю, когда живешь, как она, очень устаешь. Но это ее проблема, а не моя. Поэтому я ничего и не говорю. Пусть делает так, как ей нравится. Я придерживаюсь одной позиции. А она другой. Иногда она очень сердится. Говорит, что порой не может терпеть моего безразличия. А я говорю, что и я порой не могу стерпеть безразличия закона тяготения, числа «пи» и $E = mc^2$. По-

тому что это именно так. Но стоит мне это сказать, как она замолкает. Наверное, воспринимает это как личное оскорбление. Но это не так. Я и не думаю ее оскорблять. Я просто говорю то, что чувствую.

Вернувшись домой в тот вечер, она прежде всего бегло окинула взглядом комнату. Я держал наготове подходящие слова объяснения. Мол, пришли телелюди и устроили здесь кутерьму. Будет очень сложно втолковать ей о телелюдях. Может, и не поверит. Однако я был намерен честно рассказать обо всем.

Однако она ничего не сказала. Просто окинула взглядом комнату. А на серванте ведь стоял телевизор. И журналы лежали на столе в неправильном порядке. Настольные часы оказались на полу. Но жена ничего не сказала. Поэтому я ничего не объяснял.

– Ты как следует поужинал? – спросила она меня, стягивая платье.

Я сказал, что не ел.

– Почему?

– Потому что не особо проголодался, – ответил я. Жена, еще не освободившись окончательно от платья, несколько секунд размышляла. Потом внимательно посмотрела мне в лицо. Кажется, колебалась, сказать или нет. Тяжелый ход часов раскалывал тишину. ТаРуППК СЯУС ТаРуППК СЯУС. Я попытался не слышать этого звука. Попытался не прислушиваться.

ся к нему. Однако не мог ничего поделаться с этим тяжелым, громким звуком. Он силой проникал вовнутрь. Казалось, что она тоже прислушивается к нему. Затем потрянула головой.

– Давай что-нибудь быстренько приготовлю? – предложила она.

– Давай, – сказал я.

Не могу сказать, что я был особенно голоден, однако мог и поесть, если бы было что.

Жена переоделась в домашний костюм и, готовя на кухне рис с овощами и омлет, рассказывала о встрече с приятельницами. Вроде того, кто и что делает, кто изменил прическу, похорошел, кто расстался с женщиной. Я более или менее знал их. Попивая пиво, я подкивал ее рассказу. Однако почти ничего не слышал. Я все это время думал о телелюдах. А еще о причинах того, что она не сказала ни слова о появлении телевизора. Не заметила? Не может быть, не может того быть, чтобы она не заметила неожиданного появления телевизора. Очень все это странно. Подозрительно. Здесь какая-то ошибка. Но я не знал, как исправить эту ошибку.

Когда рис с овощами был готов, я сел за кухонный стол и поел. Съел омлет, съел соленые сливы.

Когда я закончил есть, жена вымыла посуду. Я еще выпил пива. Жена выпила немного пива. Я вдруг под-

нял глаза и посмотрел на сервант. Он все еще стоит там. Электричество не включено. На столе лежит пульт. Я встал со стула, взял в руку пульт и попытался включить с него телевизор. Экран стал белым, раздался треск. Как и прежде, картинки не было. Только белый свет из электронно-лучевой трубки. Я нажал на кнопку, увеличил звук, однако только треск стал громче. Секунд двадцать—тридцать я смотрел на этот свет, а затем выключил телевизор. Моментаً исчезли звук и свет. Все это время жена сидела на ковре и листала «Elle». Она не проявила никакого интереса к тому, что я включил и выключил телевизор. Казалось, что она и внимания не обратила.

Я положил пульт на стол и опять уселся на диван. Затем решил продолжить чтение длинного романа Гарсиа Маркеса. Я всегда читаю после ужина. Иногда меня хватает на полчаса, а иногда я читаю часа два. Как бы там ни было, читаю каждый день. Однако в тот день я не осилил и половины страницы. Сколько ни пытался сосредоточиться на книжке, мое внимание сразу же переключалось на телевизор. Поднимаю глаза и смотрю на телевизор. А экран направлен прямо на меня.

Глава 8

Проснувшись ночью в половине третьего, я обнаружил, что телевизор все еще здесь. Я встал с постели, ожидая увидеть, что телевизор исчез. Однако он стоял на прежнем месте. Я сходил в туалет, пописал, а затем уселся на диван, положив ноги на стол. Еще раз с пульта попробовал включить телевизор. Но ничего нового. Все, как и прежде. Белый свет, шум. И кроме этого – ничего. Некоторое время я смотрел на экран, а затем выключил телевизор, избавившись от света и шума.

Я вернулся в постель и попытался уснуть. Мне очень хотелось спать. Однако не спалось. Стоило закрыть глаза, как передо мной появлялись телелюди. Телелюди несут телевизор, телелюди убирают часы, телелюди ставят телевизор на стол, телелюди втыкают вилку в розетку, телелюди проверяют изображение, телелюди открывают дверь и молча уходят. Они все время были в моей голове. Они бродили в ней по кругу. Я вновь вылез из кровати и отправился на кухню, налил себе двойную порцию бренди в кофейную чашку, стоявшую в сушилке для посуды. И опять прилег на диван, открыв страницу Маркеса. Однако я так и не мог вникнуть в текст. Совершенно не понимал,

что там написано.

Что тут поделаешь, отбросил Маркеса и стал читать «Elle». Иногда ведь можно и «Elle» почитать. Однако в «Elle» не было написано ничего, что привлекло бы мое внимание. Ничего, кроме новых причесок, белых элегантных шелковых кофточек, ресторанов, где можно поесть прекрасный мясной кремсуп, и того, что надеть в оперу. А к этому у меня нет ни малейшего интереса. Поэтому я отбросил и «Elle». А затем опять посмотрел на телевизор на серванте.

Так, ничего не делая, я не спал до самого утра. В шесть часов вскипятил воду в чайнике, приготовил и выпил кофе. Делать особо было нечего, поэтому, прежде чем проснется жена, я приготовил бутерброды с ветчиной.

– Как рано ты встал, – сказала она сонным голосом.

– Ага, – сказал я.

Перебросившись лишь парой слов, мы позавтракали, а затем вышли из дома и поехали каждый в свою фирму. Жена работает в небольшом издательстве. Редактирует специализированный журнал о правильном питании. В этом журнале пишут, например, что блюда из грибов сиитакэ – эффективное средство для профилактики подагры, или о перспективах натурального земледелия, без использования удобрений.

Журнал продается небольшим тиражом, но для его

выпуска и денег-то почти не надо, а постоянные читатели хранят ему верность почти с религиозным чувством, так что на продолжение работы средств хватает. А я работаю в рекламном отделе компании, выпускающей электроприборы. Делаю рекламу для тостеров, например, или стиральных машин, или микроволновок.

Глава 9

Во время работы я встретился с одним из телелюдей на лестнице нашей фирмы. Думаю, это был один из тех, что в предыдущий день принес ко мне домой телевизор. Тот самый, который открыл дверь и первым вошел в квартиру. Который не нес телевизор. В их лицах нет никаких особенных примет, и отличить одного от другого – задача не из простых, поэтому я не могу сказать с определенной точностью, однако восемь, а то и девять к десяти за то, что я прав. Так же как и вчера, он был одет в синий плащ. В руках ничего не было. Он просто шел вниз по лестнице. А я шел вверх по лестнице. Не люблю я ездить на лифте. Поэтому иду всегда пешком – и поднимаюсь и спускаюсь по лестнице. Это не такое плевое дело, поскольку мой офис на девятом этаже. А особенно когда что-то срочное, весь потом покрываешься. Но по мне, лучше уж вымокнуть от пота, чем сесть в лифт. Из-за этого все надо мной подшучивают. Ведь у меня нет ни телевизора, ни видеомэгафона, и я не пользуюсь лифтом, они считают меня чудачком. А может, считают, что я в определенном смысле еще не дошел до этого этапа развития. Странная точка зрения. Мне не особенно понятно, почему они так думают.

Но, как бы то ни было, в тот момент я, как обычно, поднимался по лестнице пешком. Шел по лестнице один. Лестницей почти никто не пользуется. И вот на лестнице между четвертым и пятым этажами мимо меня прошел один из телелюдей. Это было так неожиданно, что я не знал, что мне делать. Может, окликнуть его.

Но я так ничего и не смог сказать. В тот момент не мог придумать, что сказать, да и такая ситуация, что окликнуть одного из телелюдей оказалось сложно. Он деловито спускался по лестнице. В определенном темпе, размеренно и точно он чеканил шаг. И, так же как и вчера, совершенно не обращал внимания на мое присутствие. Казалось, что я ему и на глаза-то не попадаюсь. Не зная, что и делать, я прошел мимо. А в тот момент, когда проходил, почувствовал на мгновение, будто тяжесть окружающего меня воздуха изменилась.

В тот день с самого утра было собрание. Довольно важное собрание, посвященное стратегии продаж нового товара. Несколько человек выступили с докладами. На доске выстроились цифры, на компьютерных мониторах отражались графики. Шла бурная дискуссия. Я тоже в ней участвовал, однако моя роль на этом собрании была не такой уж и важной. Непосредственного отношения к проекту я не имел. Поэтому на

протяжении всего собрания я думал. И все же один раз высказался. Ничего особенного я не сказал. Просто здравое мнение наблюдателя. Как там ни крути, не мог же я вообще ничего не говорить. Я не особенно рьяно отношусь к работе, однако, раз уж я здесь получаю зарплату, чувствую определенную ответственность. Я просто подытожил все высказанные до того мнения, упорядочил их и еще пошутил, чтобы разрядить обстановку. Просто чувствовал угрызения совести за то, что все это время только и думал о телелюдях. Несколько человек рассмеялись. Высказавшись, я сделал вид, что изучаю материалы, и опять стал думать о телелюдях. Откуда мне знать, какое дать название новой микроволновой печке. В моей голове не было ничего, кроме телелюдей. Я все время думал о них. Какой смысл был в том телевизоре? Почему телелюди специально принесли его в мою комнату? Почему жена не сказала ничего о появлении телевизора? Почему телелюди пробрались в мою фирму?

А собрание все не заканчивалось. В двенадцать сделали короткий перерыв на обед.

Чтобы обедать где-то на стороне, времени было в обрез, поэтому всем раздали бутерброды и кофе. В конференц-зале было накурено, так что я взял еду с собой и съел на своем рабочем месте. Когда я ел, ко мне подошел заведующий отделом. По правде ска-

зять, я не очень-то его люблю. Сам толком не понимаю, отчего бы мне его не любить. Ничего особенно-го, что вызывало бы неприязнь, в нем нет. Его поведение говорит о хорошем воспитании. Голова неплохая. Выбор галстуков хороший. Особо ничем не чванится и перед подчиненными не выпендривается. А меня он даже выделяет. Иногда даже приглашал поесть вместе. Однако все равно я не мог с ним сблизиться. Думаю, причина, вероятно, в том, что во время разговора он всегда как-то панибратски дотрагивался до собеседника. Будь то мужчина или женщина, во время разговора он раз – и коснется. Я говорю «дотрагивается», но в этом нет ничего особенно вульгарного. Очень правильное и естественное прикосновение. Я полагаю, что практически никто из тех, до кого он дотронулся, и не замечает этого. Так естественно это прикосновение. Однако меня это почему-то очень задевает. Поэтому каждый раз, когда я вижу его, инстинктивно принимаю оборонительную позицию. Скажете – мелочи. Да, мелочи. Однако меня они все-таки задевают.

Он нагнулся и коснулся рукой моего плеча.

– Я по поводу твоего выступления сегодня на собрании, молодец, – сказал мне начальник дружески. – Кратко и по сути. Я проникся. Ты это здорово подметил. Твои слова как нельзя кстати пришлись к ситуа-

ции. И время выбрал удачное. Ну, продолжай и дальше в том же духе.

Сказав это, он сразу же куда-то ушел. Наверное, пошел есть свой обед. В такой ситуации я, конечно же, поблагодарил его, однако, честно признаться, был совершенно растерян. Ведь я совершенно не помнил, что именно сказал на собрании. Я просто решил, что молча отсиживаться не слишком хорошо, поэтому сказал первое, что пришло на ум. И почему за это начальник должен был специально подходить ко мне и хвалить? Полно других людей, которые высказались куда более удачно. Как-то это странно. Оставаясь в недоумении, я доел остаток своего обеда. А затем вдруг подумал о жене. Интересно, а что она сейчас делает. Может, вышла куда-нибудь пообедать? Я даже решил позвонить ей на работу. Неважно о чем, просто хотелось перекинуться двумя-тремя фразами. Я уже даже набрал первые три цифры. Однако передумал. У меня не было никакого дела, чтобы специально ей звонить. Я чувствовал, что мир понемногу теряет равновесие. Пусть и так, но что я скажу жене, позвонив ей на работу в обеденный перерыв? К тому же она не особенно любит, когда ей звонят на работу. Я положил трубку на место, вздохнул и допил остатки кофе. А затем выбросил пластиковый стаканчик в помойное ведро.

Глава 10

На собрании после обеда я увидел телелюдей. На сей раз их было двое. Они пересекли конференц-зал, неся в руках, как и вчера, цветной телевизор «Sony». Однако этот телевизор был на порядок больше вчерашнего. Ну и дела, подумал я. Ведь «Sony» – враг нашей фирмы, конкурент. Какой бы ни была причина, появление их продукции в нашей фирме вызовет настоящую бурю. Конечно, для сравнения продукции к нам приносят товары других фирм, однако в таких случаях снимают логотипы. Ведь если бы это увидел кто-нибудь посторонний, мелкие неприятности были бы неизбежны. Однако телелюди, нисколько этим не тяготясь, торжественно повернули к нам логотип «Sony». Открыв дверь, они вошли в конференц-зал. Затем обошли его по кругу. Они оглядывались по сторонам – вероятно, искали место для телевизора, однако в результате так и не смогли найти подходящего.

Так, с телевизором на руках, они и вышли через заднюю дверь. Однако никто из тех, кто находился в комнате, никак не отреагировал на телелюдей. Не может того быть, чтобы они их не видели. Они их тоже видели. И доказательством является то, что люди, сидевшие рядом с дверью, отодвинулись и пропустили

телелюдей, когда те внесли телевизор. Однако никакой иной реакции в отношении телелюдей коллеги не проявили. Реакция – как у официанта в соседнем кафе, когда он приносит кофе. Они отреагировали так, словно телелюдей в принципе не существует. Словно они знают, что те существуют. Но реагируют так, будто тех нет.

От этого я пришел в совершенное замешательство. Выходит, что все остальные знают о телелюдях? Только я один, что ли, не владел этой информацией? Я подумал: а может, и моя жена была в курсе? Вероятно, это так. Именно поэтому, когда в комнате появился телевизор, она не удивилась и не обмолвилась об этом ни словом. Разве может быть какое-нибудь иное объяснение. В моей голове была полная сумятица. Что же такое, собственно говоря, эти телелюди? И почему они вечно таскают за собой телевизор?

Один из моих коллег встал с места, чтобы пойти в туалет. Будто преследуя некую цель, я тоже встал и пошел в туалет. Я поступил на работу одновременно с ним; можно сказать, что мы были на короткой ноге. Иногда после работы отправлялись куда-нибудь пропустить по стаканчику. А я выпивать не с каждым буду. Стоя рядом, мы помочились. Он сказал утомленно:

– Эх, так мы до вечера застрянем, это собрание никогда не закончится.

Я согласился с ним. Затем мы вымыли руки. Он тоже похвалил мое выступление на утреннем собрании. Я поблагодарил его.

– Кстати сказать, кто эти парни, которые только что приносили телевизор? – решился сказать я, будто невзначай.

Он ничего не ответил. Плотно закрыл водопроводный кран, вытянул два куска бумажного полотенца из держателя и вытер руки. Он даже и взгляда не бросил в мою сторону. Долго вытирал руки, а затем, скатав полотенце в шарик, бросил его в ведро. Может, он не расслышал меня. А может, слышал, но сделал вид, что не слышал. Не знаю, что из двух. Однако в такой ситуации я решил, что лучше будет ничего больше не спрашивать. Поэтому я тоже молча вытер руки бумажным полотенцем. Такое ощущение, будто воздух вокруг стал очень твердым. Мы, не говоря ни слова, прошли по коридору и вернулись в конференц-зал. Во время всего дальнейшего собрания мне казалось, что он избегает моего взгляда.

Глава 11

Когда я вернулся домой с работы, в квартире царила крошечная темнота. На улице зарядил дождь.

Через балконное окно были видны черные, низко нависшие тучи. В комнате пахло дождем. Вечерело. Жена еще не вернулась. Я развязал галстук и, разгладив складки, повесил его на вешалку. Щеткой стряхнул пыль с пиджака. Рубашку бросил в корзину для белья. Волосы пропахли табаком, поэтому я встал под душ и помыл волосы. Все как обычно. Во время длинных собраний табачный запах въедается в тело. Жена очень не любит этот запах. Первое, что она сделала после нашей женитьбы,— заставила меня бросить курить. Четыре года назад.

Выйдя из душа, я сел на диван и, вытирая волосы полотенцем, выпил пива из банки. Телевизор, который принесли телелюди, по-прежнему стоял на серванте. Я взял пульт со стола и нажал на кнопку. Однако, сколько раз я ни нажимал на эту кнопку, телевизор не включался. Никакой реакции. Экран оставался темным. Я проверил шнур. Вилка была плотно вставлена в розетку. Я попробовал вытащить вилку и еще раз, как следует, вставил ее в розетку. Однако безрезультатно. Сколько раз я ни нажимал на кнопку пульт-

та, экран не становился белым. На всякий случай я открыл крышку пульта, вытащил батарейки и простеньким тестером проверил их. Батарейки были новыми. Я сдался, бросил пульт и залпом допил пиво.

Я с удивлением подумал, почему меня это задевает. Ведь если бы телевизор включился, что бы за этим последовало? Загорелся бы белый свет, послышался треск, и все. А значит, разве стоит переживать о том, включился телевизор или нет?

Однако меня это задевало. Ведь вчера вечером он включался. После этого я и пальцем его не трогал. Ничего не понимаю.

Я опять взял пульт в руки и совершил еще одну попытку. Кончиком пальца нажал чуть сильнее. Однако результат был таким же. Никакой реакции. Экран был мертвым. Холодным.

Холодное.

Из холодильника я вытащил вторую банку пива, открыл крышку и выпил. Съел картофельный салат из пластиковой упаковки. Времени был уже седьмой час. Сидя на диване, я в одиночестве читал вечернюю газету. Газетенка скучнее обычного. Ни одной статьи, которую следовало бы прочитать. Сплошные новости, до которых мне никакого дела нет. Но ничего другого мне не приходило в голову, поэтому я довольно долго вчитывался в эту газету. Закончу читать, нуж-

но будет делать что-то другое. Чтобы избежать этих мыслей, я тянул время и продолжал читать газету. Вот еще что, может, написать ответ на письмо? От двоюродной сестры пришло сообщение о свадьбе. Нужно написать, что я не смогу приехать. В день свадьбы мы вдвоем с женой уедем в отпуск. Собираемся на Окиनावу. Давно уже это запланировали. Поэтому и отпуск подгадали вместе. Сейчас уже поздно что-либо менять. Ведь только бог знает, когда в следующий раз мы сможем взять вместе длительный отпуск. Да и у меня не очень близкие отношения с двоюродной сестрой. Лет десять уже не виделись. Как ни крути, ответить нужно побыстрее. Ведь они будут заказывать банкетный зал. Но ничего не получится. Мне сейчас письма не написать. Совсем настроение не то.

Я вновь взял газету и по второму разу перечитал те же статьи. А затем вдруг мне в голову пришло приготовить ужин. Однако, может, жена сегодня вернется, уже поужинав с кем-то по работе. А тогда бесполезно готовить. Ведь я могу подсобрать то, что есть, и поужинать этим. Не буду специально ничего готовить. Ну а если она ничего не ела, можем куда-нибудь пойти поужинать.

Я подумал, что это как-то странно. Когда кто-нибудь из нас возвращается позже шести, то обязательно заранее предупреждает об этом. Это правило. На ав-

тоответчик оставляем сообщение. И тогда действуем по ситуации. Либо поужинаешь один, либо приготовишь ужин и на другого, либо, не дожидаясь, ляжешь спать. По характеру своей работы я, бывает, поздно возвращаюсь домой, да и она частенько задерживается из-за совещаний или редактуры. И у того и у другого не такая работа, которая начинается ровно в девять и заканчивается ровно в пять. Бывает, когда оба заняты, дня по три не можем даже поговорить. Ничего не поделаешь. Почему-то так получается. Поэтому мы тщательно следуем правилу – не причинять друг другу неудобств. Понимаешь, что припозднишься, – по телефону сообщаем об этом другому. Я периодически забываю об этом. Но она ни разу не забыла.

Однако на автоответчике не было никакого сообщения.

Я бросил газету, разлегся на диване и закрыл глаза.

Глава 12

Мне приснился сон о совещании. Я стоял и говорил. О чем я говорил, и сам не понимаю. Просто говорил. Если я закончу говорить, то умру. Поэтому я не мог остановиться. Мне не оставалось ничего, кроме как без остановки нести какую-то околесицу. Все вокруг уже умерли. Умерли и окаменели. Твердые каменные изваяния. Подул ветер. Все оконные стекла разбились, и через них задувал ветер. Там были телелюди. Их опять было трое. Как и в первый день. Они опять несли телевизор. На экране было изображение телелюдей. Я лишился дара речи. И в то же время чувствовал, как кончики моих пальцев понемногу затвердевают. Я превращался в камень.

Открыв глаза, я обнаружил, что в комнате что-то белеет. Такой свет, как бывает в коридорах океанариума. Работал телевизор. Все вокруг совсем потемнело, и в этой темноте светился и тихонько потрескивал экран телевизора. Я приподнялся с дивана и кончиками пальцев надавил на виски. Пальцы по-прежнему были мягкими. Во рту остался привкус пива, которое я пил перед сном. Я попытался сглотнуть слюну. В горле так пересохло, что мне понадобилось время, чтобы ее сглотнуть. Вот всегда так, приснится чтони-

будь реалистичное, а потом кажется, что явь менее реальна, чем сон. Но это не так. Это реальность. Никто не превратился в камень. Я подумал, который может быть час, посмотрел на часы, которые так и стояли на полу. ТаРупПК СЯУС ТаРупПК СЯУС. Почти восемь.

Однако, так же как и во сне, на экране телевизора я увидел одного из телелюдей. Того самого, с которым разминулся на лестнице у себя в конторе. Без сомнения, тот самый мужчина. Тот самый, который первым открыл дверь и вошел в мою квартиру. Сто процентов, никакой ошибки. За ним горел белый свет, словно от флюоресцентной лампы, он стоял неподвижно и смотрел мне в лицо. Как будто остатки сна погружались в действительность. Казалось, стоит закрыть глаза, а затем вновь открыть, как все это разом исчезнет. Однако оно не исчезало. Наоборот, фигура одного из телелюдей на экране становилась все больше и больше. Уже одно его лицо занимало весь экран. Такое ощущение, будто он понемногу приближается откуда-то издалека и наконец камера фокусируется только на его лице.

А потом он вышел за пределы экрана. Словно влез в комнату через окно, оперся руками о край, раз – перекинул через него ноги и вышел из экрана. После этого на экране остался только белый свет.

Выйдя за пределы телевизора, телечеловек некоторое время потирал левую руку пальцами правой руки, чтобы освоиться с внешним миром. Уменьшенная правая рука долго потирала уменьшенную левую руку. Он совершенно не торопился. По его расслабленному виду можно было предположить, что у него полным-полно времени. Похож на опытного телеведущего. А затем он посмотрел мне в лицо.

– Мы строим самолет,– сказал он.

По его голосу и не скажешь, далеко он или близко. Голос тонкий, как лист бумаги.

Одновременно с его словами на экране появилось изображение какой-то черной машины. И правда, будто новости смотришь. Сначала показали какое-то огромное помещение вроде завода, а затем изображение сфокусировалось на площадке в самом центре, где шла работа. Двое телелюдей возились с этой машиной. Они орудовали гаечными ключами, закручивали болты, регулировали приборы. Они были сосредоточены на своей работе. Что за странная машина. Цилиндр, сверху тонкий и длинный, из которого то тут, то там торчали спирали. Машина скорее напоминала гигантскую соковыжималку для апельсинов, а не самолет. У нее не было ни крыльев, ни сидений.

– Совершенно не похоже на самолет,– сказал я. Мой голос звучал непривычно. Очень странный голос.

Будто его пропустили через толстый фильтр, который задержал все питательные элементы. Казалось, что я очень постарел.

– Потому что его еще не покрасили, – сказал телечеловек. – Завтра его как следует покрасят. И тогда будет сразу же понятно, что это самолет.

– Дело не в цвете. А в форме. Это не самолет.

– Если это не самолет, то что это? – спросил меня телечеловек.

Но я не знал. Вот именно, что это такое?

– Поэтому я и говорю, это из-за цвета, – дружелюбно сказал мне телечеловек. – Как только покрасят, сразу станет самолетом.

Я решил не спорить больше. Какая разница, что это, подумал я. Будь это самолетом, который выжимает апельсины, или соковыжималкой, которая может летать по небу, что с того. Мне ни до того ни до другого дела нет. Почему жена не возвращается? Я еще раз надавил на виски кончиками пальцев. Часы продолжали стучать. ТаРуППК СЯУС ТаРуППК СЯУС. На столе лежал пульт. А рядом как попало были свалены женские журналы. Телефон по-прежнему молчал. Комната освещалась тускловатым светом телевизора.

А на экране двое телелюдей увлеченно продолжали свою работу. Изображение стало гораздо четче,

чем прежде. Теперь можно было рассмотреть даже цифры на приборах этой машины. Пусть совсем тихо, но стал слышен и ее звук. Машина завывала: ТА-а-БДЗРяйФУгг ТА-а-БДЗРяйФУгг АРуп АРуп ТА-а-БДЗРяйФУгг. Временами доносились глухие ритмичные удары железа о железо. АРИ-и-и-и-Н БУЦ АРИ-и-и-и-Н БУЦ. А еще к этому примешалось много разнообразных звуков. Но я не мог разобрать ничего конкретного. Так или иначе, двое телелюдей старательно работали на экране телевизора. Некоторое время я внимательно наблюдал за их работой. Телечеловек за пределами экрана тоже молча смотрел на изображение своих товарищей на экране. Ерунда какая-то – мне совершенно не кажется, что это похоже на самолет.

Черная-пречерная машина всплывает в белом свете.

– Ваша жена не вернется, – сказал мне телечеловек за пределами экрана.

Я посмотрел на него. Не смог как следует уловить, о чем он толкует. Я внимательно посмотрел на его лицо, словно заглянул в белую трубку телевизора.

– Ваша жена больше не вернется, – повторил телечеловек с той же интонацией.

– Почему? – спросил я.

– Почему, почему. Да потому, что у вас ничего не

получилось,— сказал телечеловек.

Голос напоминал пластиковую карточку — ключ в гостиницах. Ровный, без интонаций, легко, как лезвие, ныряет сквозь узкую щель.

— Ничего не получилось, поэтому не вернется.

«Ничего не получилось, поэтому не вернется»,— повторил я про себя. Слишком монотонно, нет ощущения реальности. Я не смог как следует уловить контекст. Причина схватила результат за хвост и пыталась его проглотить. Я встал и пошел на кухню. Затем открыл холодильник, глубоко вдохнул и, взяв банку пива, вернулся на диван. Телечеловек по-прежнему неподвижно стоял перед телевизором и смотрел, как я срываю кольцо с банки. Он поставил правый локоть на телевизор. А я и не то чтобы очень хотел выпить пива. Делать было особенно нечего, поэтому я просто принес пива. Сделал глоток, пиво было так себе. Все это время я держал банку в руках, однако она мне показалась тяжелой, поэтому я поставил ее на стол.

Затем я решил поразмыслить над заявлением телечеловека о том, что моя жена больше не вернется домой.

Он говорит, что у нас ничего не получилось. Он говорит, что это причина, по которой она не вернется. Однако мне совершенно не казалось, что наши отношения разладились. Конечно, мы не идеальная пара.

За четыре года мы много раз ругались. У нас было, вероятно, несколько проблем. Время от времени мы говорили о них. Иногда разрешали их, иногда и не разрешали. Большую часть того, что не разрешили, мы просто отбрасывали и ждали, пока пройдет нужное время. О'кей, мы были парой с проблемами. Именно так. Однако это вовсе не значит, что у нас ничего не получилось. Разве нет? А где, скажите мне, есть пары без проблем? Но все же уже перевалило за восемь. Просто по какой-то причине она не смогла позвонить. Да я могу назвать несколько таких причин. Ну, например... Что-то в голову мне не приходило ни одной. Я ужасно растерялся.

Я поглубже вжался в спинку дивана.

Этот самолет... Если это самолет, то как, собственно говоря, он летает, подумал я. Что является движущей силой? Где у него иллюминаторы? Где у него нос, а где хвост?

Я ужасно устал. Совершенно опустошен. Я подумал: нужно ответить двоюродной сестре о том, что мы не сможем приехать. Что-нибудь вроде: «Рабочие дела не позволяют мне приехать. Жаль. Поздравляю с замужеством».

Двое телелюдей в телевизоре проворно продолжали строить самолет, совершенно не обращая на меня внимание. Они работали, не покладая рук ни на секунду.

ду. Казалось, что конца и края не будет их работе, направленной на то, чтобы завершить самолет. Закончат одно дело – сразу же, не прерываясь, берутся за следующее. У них не было схемы производственных работ или чертежей, но они сами знали, что нужно делать сейчас и что нужно делать потом. Камера исключительно мастерски передавала их искусную работу. Очень понятная и точная съемка. Убедительное изображение. Наверное, еще один (четвертый или пятый) телечеловек отвечает за камеру.

Вот странная штука: наблюдая за работой телелюдей, которую можно назвать идеальной, я постепенно стал видеть самолет. По крайней мере, мне стало казаться, что ничего удивительного в том, что это самолет, нет. Я подумал, а какая вообще разница, где нос, где хвост. Когда люди вот так здорово и точно выполняют работу, наверняка получится самолет. Пусть он на него и не похож, но для них это самолет. Наверняка все именно так, как сказал тот мужчина.

Если это не самолет, то что это?

Телечеловек за пределами экрана так и не шевелился. Его правый локоть опирался на телевизор, а он смотрел на меня. Наблюдал за мной. А телелюди в телевизоре продолжали работать. Слышен был ход часов. ТаРуППК СЯУС ТаРуППК СЯУС. В комнате было темно, тяжело дышать. Кто-то шумно прошел по

коридору.

Возможно, это и так, вдруг подумал я. Возможно, жена и не вернется домой. Вот что мне пришло в голову. Жена уже уехала куда-то далеко. Пересаживаясь с одного транспорта на другой, сбежала от меня куда-то туда, где я ее не достану. Наверное, наши отношения и правда зашли в тупик, так что обратной дороги нет. Возможно, мы их потеряли. И только я один этого не замечал. Внутри меня всколыхнулись разные мысли, а затем превратились в одну.

– Возможно, и так,— сказал я вслух.

Мой голос прозвучал внутри меня, как в пустоте.

– Когда завтра покрасят, станет более понятно,— сказал телечеловек.— Когда покрасят, станет самолетом.

Я посмотрел на свою ладонь. Мне показалось, что она стала меньше обычного. Всего на чуть-чуть. Может, просто показалось. Возможно, так выглядит изза света. Может, немного нарушился баланс расстояний. И все равно – ладонь будто бы уменьшилась. Погодите. Я хочу высказаться. Я должен что-нибудь сказать. У меня есть что сказать. Если я этого не сделаю, то скукожусь, засохну, а потом превращусь в камень. Как и остальные.

– Скоро сюда позвонят,— сказал телечеловек. А затем замолчал на мгновение, будто считал про себя.—

Через пять минут.

Я посмотрел на телефон. Подумал о телефонном шнуре. Телефонный шнур, который тянется бесконечно далеко. А где-то на конце этого страшного лабиринта проводов моя жена, подумал я. Очень далеко, так далеко, что мне до нее не добраться. Я почувствовал биение ее сердца. Еще пять минут, подумал я. Где нос, а где хвост? Я встал и попытался что-то сказать. Однако в тот момент, когда я встал, слова исчезли.

Самолет, или Как он разговаривал сам с собой стихами

Во второй половине дня пришла она.

– Послушай, а ты всегда разговариваешь сам с собой? – спросила она, медленно подняв глаза от стола, словно вдруг вспомнила об этом.

Однако было ясно, что такой вопрос не был неожиданным, пришедшим в голову ни с того ни с сего. Вероятно, она все время о нем думала. В ее голосе звучали какие-то твердые, даже немного сухие нотки – непереманные спутники таких ситуаций. Ведь, прежде чем выйти наружу, эти слова в нерешительности крутились и крутились на языке.

Они сидели друг напротив друга за кухонным столом и переговаривались. Если не обращать внимания на то и дело проходившие поблизости электрички, вокруг было, в общем-то, тихо. Так тихо, что порой даже чересчур тихо. Железная дорога без электричек – удивительно тихая штука. От линолеума на кухонном полу его босым ногам было прохладно и приятно. Он снял носки и запихнул их в карман брюк. Стоял теплый вечер, слишком теплый для апреля. Она зака-

тала до локтя рукава палевой рубашки в клеточку. И продолжала крутить кофейную ложку в тонких белых пальцах. Он смотрел на кончики ее пальцев. Смотрел внимательно, и его мысли стали на удивление гладкими. Казалось, что она держит в руках мир, за самый кончик, и потихоньку распускает его. Она будто бы говорила – пусть это и займет много времени, но распу- стить все равно нужно. Вот так, формально и совсем без эмоций.

Ничего не говоря, он наблюдал за ее движениями. Он ничего не говорил, потому что не знал, что сказать. Остатки кофе в его чашке уже остыли и стали мутнеть.

Ему недавно исполнилось двадцать. Она была на семь лет его старше, замужем и даже с ребенком. Для него она была чем-то вроде оборотной стороны луны.

Ее муж работал в туристической фирме, специализирующейся на зарубежных турах. Поэтому по полмесяца его не бывало дома. Он уезжал то в Лондон, то в Рим, то в Сингапур. Судя по всему, муж был поклонником оперы, в их доме стояли в ряд толстые сборники пластинок по три-четыре в каждом, рассортиро- ванные по именам композиторов – Верди, Пуччини, Доницетти, Рихард Штраус. Это выглядело не столько коллекцией записей, сколько своего рода символом мировоззрения. Спокойного и твердого. В те моменты, когда он не находил слов или когда ему нечего бы-

ло делать, он всегда разглядывал буквы на обложках. Справа налево, а затем слева направо. А затем про себя одно за другим читал их названия.

«Богема», «Тоска», «Турандот», «Норма», «Фиделио». Прежде он ни разу не слушал такую музыку. Не то чтобы он ее любил или не любил, просто повода не было послушать. Ни дома, ни среди друзей, в его окружении не было ни одного любителя оперы. Он знал, что в мире существует опера и существуют люди, которые ее любят. Впервые ему на глаза попался край этого мира. Однако она не была любительницей оперы.

– Не то чтобы не люблю,— сказала она,— но както очень долго.

Рядом с полкой записей стояла великолепная стереосистема. Огромный ламповый усилитель зарубежного производства тяжело согнулся и ждал приказов, словно умело прирученное ракообразное животное. Уж если на то пошло, он как-то бросался в глаза среди прочих предметов обстановки. Выделялся сам факт его существования. Он мгновенно притягивал взгляд. Однако ему ни разу не удалось услышать звучание этой установки. Она не знала, где находится выключатель, а он и тем более не думал дотрагиваться до системы.

В их семье не было особенных проблем, рассказы-

вала она. И повторила это несколько раз. Муж добрый, хороший человек и очень любит ребенка. Должно быть, я счастлива, сказала она спокойно и бесстрастно. В ее интонации не было и оттенка оправдания. Она рассказывала о своей семейной жизни объективно, будто о правилах уличного движения или границе перемены дат. Думаю, я счастлива, у меня нет проблем, которые можно было бы назвать проблемами.

Ну тогда почему она спит со мной, думал он. Он довольно долго об этом думал, но не мог найти ответа. Он также не мог понять, что конкретно значит «проблема в семейной жизни». Подумывал даже о том, чтобы напрямую спросить ее об этом, однако никак не получалось начать этот разговор. А как ее спросить? Можно ли спросить напрямую, мол, раз ты так счастлива, зачем спишь со мной? Но если это сказать, она наверняка расплачется, решил он.

И без этого она частенько плакала. Плакала очень тихо, долго. В большинстве случаев он не понимал причины ее слез. А она, начав плакать, никак не могла остановиться. Как бы он ни утешал ее, она не прекращала плакать, пока не проходило определенное время. И наоборот, если он ничего не делал, проходило то же время и она сама по себе успокаивалась. Почему люди так не похожи друг на друга, думал он. Он в

своей жизни уже общался с несколькими женщинами. Каждая из них и плакала, и сердилась. Однако плакала, смеялась или сердилась по-своему. Было что-то схожее, однако отличий было значительно больше. И вроде как с возрастом это совершенно не связано. Он впервые встречался с женщиной старше себя, однако вопрос возраста смущал его меньше, чем он мог предположить. Гораздо больше его занимал вопрос о разнице в привычках, свойственных разным людям. Он думал, что это ключ, который поможет ему разгадать загадку человеческой жизни.

Как правило, после того, как она заканчивала плакать, они ложились в постель. Она настаивала на этом только после того, как поплачет. Во всех остальных случаях инициативу брал он. Иногда она отказывала. Ничего не говоря, качала головой. В такие моменты ее глаза напоминали белую луну на рассвете, плывущую по самому краю неба. Плоская завораживающая луна, дрожащая от птичьих криков на рассвете. Стоило ему увидеть ее глаза, как он больше ничего не мог сказать. Он особенно и не сердился и не расстраивался из-за отказа спать с ним. Он просто думал – так тому и быть. Иногда в глубине души он чувствовал даже облегчение. В такие моменты они пили кофе за кухонным столом и тихонько переговаривались. Как правило, их разговоры были обрывочными. Ни он,

ни она не отличались болтливостью, да и общих тем у них почти не было. Он даже не мог припомнить, о чем они говорили. Лишь какие-то обрывочные фразы. Пока они переговаривались, за окном одна за другой проходили электрички.

Их близость всегда была медленной и спокойной. В буквальном смысле в ней не было физической радости. Конечно, неправдой было бы сказать, что в сексе мужчины и женщины нет радости. Однако у них было слишком много примешано других мыслей и условий. Это отличалось от того секса, который он переживал прежде, и напоминало ему маленькую комнатку. Чистую, аккуратную, приятную комнату, в которой комфортно находиться. И в ней с потолка спускались разноцветные шнуры. Разной формы, разной длины. Каждый из них манил и будоражил воображение. Он хотел бы дернуть за шнурок. А эти шнуры ждали, чтобы он за них дернул. Однако он не знал, за какой шнурок дернуть. Казалось, стоит дернуть за один из них, как перед глазами раскроется восхитительная картина, а иногда казалось, что, наоборот, пройдет миг – и все потерпит крах. Он метался. А пока он метался, к концу подходил очередной день.

Эта ситуация казалась ему странной. Ведь он жил со своей сложившейся к настоящему моменту системой ценностей. Но в этой комнате, слушая шум элект-

тричек, в объятиях взрослой молчаливой женщины, он порой чувствовал, как блуждает в хаосе, подавляющем его. Он несколько раз спрашивал у себя самого, неужели он любит эту женщину. Однако не мог найти точного ответа. Он понимал лишь то, что в этой маленькой комнатке с потолка спускаются цветные шнурки. Они здесь есть.

Когда заканчивалась их странная близость, она всегда бросала взгляд на часы. Она смотрела на часы у изголовья, чуть приподнимая голову с его руки. Это был черный будильник-радио. В этих радио-часах не было стрелочного циферблата или электронных цифр, в них с еле слышным щелчком переворачивались таблички. После того как она смотрела на часы, за окном проходила электричка. Удивительное дело: каждый раз, как она смотрела на часы, обязательно доносился шум электрички. Словно фатальный условный рефлекс. Она посмотрела на часы. Прошла электричка.

Она смотрела на часы, чтобы проверить, когда из детского сада вернется ее четырехлетняя дочка. Он всего лишь раз совершенно случайно увидел эту девочку. Никакого впечатления, кроме как – спокойный ребенок. С мужем – любителем опер, работавшим в туристическом агентстве, – он ни разу не виделся. К счастью.

Она спросила его о том, разговаривает ли он сам с собой, как-то в мае, в первой половине дня. В тот день она тоже плакала, а потом они занялись сексом. Он не мог вспомнить, почему в тот день она плакала. Наверное, плакала просто потому, что хотела плакать. Ему пришло в голову, что она общается с ним потому, что просто хочет поплакать в чьих-нибудь объятиях. Может, она не может плакать одна и поэтому нуждается во мне.

Закрыв дверь на ключ, опустив занавески, перенес телефон к кровати, они занялись на ней сексом.

Как всегда, очень спокойно. В это время позвонили в дверь, но она не ответила. Особенно и не удивилась, и не испугалась. Она молча качнула головой, словно хотела сказать: «Все в порядке. Это неважно». В дверь позвонили несколько раз, а потом звонивший ушел. Она словно бы говорила: «На этого человека не стоит обращать внимания». Может, торговый агент или кто-то в этом роде. Он удивился, откуда она может это знать. Время от времени доносился стук электричек. Где-то далеко играли на пианино. Он смутно припоминал эту мелодию. Когда-то давно он ее слышал в школе на уроке музыки. Но названия никак вспомнить не мог. По улице с грохотом проехал грузовик, с которого продавали овощи. Она закрыла глаза, глубоко вздохнула, он кончил. Очень спокойно.

Он ушел в ванную принять душ. Вытираясь полотенцем, вернулся в комнату, она с закрытыми глазами лежала на животе. Он присел рядом. А затем, как обычно, скользя взглядом по названиям опер на корешках пластинок, тихонько стал поглаживать ей спину.

Затем женщина встала, аккуратно оделась и пошла на кухню варить кофе. Чуть позже она сказала:

– Послушай, а ты всегда разговариваешь сам с собой?

– Сам с собой? – с удивлением переспросил он. – Сам с собой, в тот самый момент?

– Да нет. Не тогда, в обычное время. Например, когда душ принимаешь. Или когда я на кухне, а ты газету читаешь.

Он помотал головой.

– Я об этом не знал. Не замечал, что разговариваю сам с собой.

– Но ты разговариваешь, честное слово, – сказала она, крутя в руках его зажигалку.

– Не то чтобы я тебе не верил, – сказал он с недовольством в голосе.

А затем зажал сигарету зубами, взял у женщины зажигалку и закурил. Недавно он перешел на «Seven Star». Потому что ее муж курил «Seven Star». До этого он все время курил «Short Hope». Она не просила

его курить те же сигареты. Он сам это почувствовал и сменил марку. Подумал, что так будет, несомненно, удобнее. Будто бы в мелодраматическом сериале.

– Я тоже в детстве часто сама с собой говорила.

– Правда?

– Но мама меня отучила. Мол, это некрасиво. Стоило мне начать говорить с собой, как она меня строго ругала. Даже в шкафу запирала. А в шкафу ведь так страшно было. Темно и плесенью пахло. Даже колотила меня порой. Линейкой по коленкам. И так я постепенно отучилась говорить сама с собой. Совершенно перестала. Так неожиданно, вроде и хочешь сказать и не можешь.

Он молчал, не зная, что и сказать. Женщина прикусила губу.

– Даже и сейчас слова вроде готовы сорваться, но инстинктивно проглатываешь их. Потому что в детстве заругали. Но я этого не понимаю. Что плохого в том, чтобы говорить самому с собой? Просто ведь слова естественно рождаются, вот и все. Будь мама сейчас жива, я бы хотела у нее спросить. Что в этом плохого?

– Умерла?

– Да, – сказала она, – но я бы хотела ее расспросить. Почему она так обходилась со мной?

Она теребила в руках кофейную ложечку. А затем

внезапно бросила взгляд на настенные часы. Когда она посмотрела на часы, за окном опять прошла электричка.

Она подождала, пока электричка пройдет. А потом сказала:

– Я вот думаю, человеческое сердце похоже на глубокий колодец. Никто не знает, что у него на дне. Остается лишь воображать, исходя из формы того, что временами поднимается вверх.

Какое-то время оба думали о колодцах.

– А о чем я говорю? – спросил он.

– Хм, – сказала она, медленно покачав головой несколько раз. словно бы аккуратно проверяла, как работают шейные суставы. – Ну, например, о самолете.

– Самолете? – спросил он.

Она подтвердила. О самолете, который летит в небе. Он рассмеялся. С чего ему говорить о самолетах. Она тоже рассмеялась. А затем провела указательными пальцами в воздухе, будто измеряла длину воображаемого предмета. У нее была такая привычка. Он тоже иногда делал такой жест. Ее привычка передалась ему.

– Очень отчетливо говоришь. Ты и правда не помнишь? – спросила она.

– Не помню.

Она взяла ручку со стола, покрутила ее в руках, а затем опять посмотрела на часы. За пять минут стрелка часов продвинулась точно на пять минут.

– Ты говоришь сам с собой стихами.

Сказав это, она немного покраснела. Ему стало как-то странно: почему она краснеет оттого, что он разговаривает сам с собой.

– Говорю сам с собою стихами,– сказал он. Она опять взяла ручку. Желтая пластиковая ручка, на которой написано «В честь десятилетия филиала», наверное, из какого-нибудь банка.

Он показал на ручку:

– Если я опять что-нибудь буду говорить, может, запишешь?

Она внимательно посмотрела на него, проникая взглядом в его глаза:

– Ты правда хочешь знать? Он кивнул.

Она взяла блокнот и принялась писать в нем. Медленно, но не прерываясь и не останавливаясь, она водила ручкой по бумаге. А он в это время, подперев щеки руками, смотрел на ее длинные ресницы. Она моргала раз в несколько секунд с неравными интервалами. Внимательно всматриваясь в эти длинные ресницы – эти ресницы, еще недавно мокрые от слез,– он опять перестал понимать. Какой смысл в том, что он спит с ней? Его охватило чувство, что чего-то не хва-

тает, словно из сложной системы изъяли один фрагмент и она стала пугающе примитивной. Он подумал, что так он уже никуда не сможет продвинуться. От этой мысли стало нестерпимо страшно. Такое чувство, что он сам может раствориться и исчезнуть. Вот именно, я пока еще молод, как свежая грязь, и говорил про себя стихами.

Закончив писать, она протянула бумагу через стол. Он взял ее.

На кухне затаился какой-то остаточный образ. Когда он был вместе с ней, то порой ощущал присутствие этого образа. Образа чего-то утерянного. Образа того, о чем он не помнил.

– Я как следует, наизусть запомнила,– сказала она.– Вот твои слова о самолете.

Он прочитал вслух.

Самолет.

Самолет летит.

Я в самолете.

Самолет.

Летит.

Но если я и летал.

В небе ли был.

Самолет?

– И всего-то? – спросил он немного ошеломленно.

– Ага, только это,– сказала она.

– Не верится. Так много слов, а я совсем этого не помню,— сказал он.

Она слегка прикусила нижнюю губу и улыбнулась:

– Но ты это говорил. Он вздохнул.

– Странно как-то. Я ведь ни разу не думал о самолете. Совершенно никаких воспоминаний. С чего вдруг появился этот самолет?

– Но ты только что в ванной это сказал. Пусть ты и не думал о самолете, в твоей душе, где-то в глубине далекого леса, есть мысли о самолете. Или где-то в глубине леса ты строил самолет.

С легким стуком она положила ручку на стол, а затем подняла глаза и внимательно посмотрела на него.

Некоторое время они молчали. Кофе на столе продолжал мутнеть и остывать. Земля крутилась вокруг оси, луна тайно меняла силу притяжения и вызывала приливы. В тишине текло время, а по железной дороге прошла электричка.

И он, и она думали об одном. О самолете. О самолете, который его душа строила в глубине леса. Насколько он велик, какой формы, в какой цвет выкрашен и куда направляется? И кто на нем летит? Этот самолет, который в глубине леса ждет кого-то.

Через некоторое время она опять заплакала. Впервые она заплакала второй раз за день. Такого прежде не было. Для нее это было чем-то особым. Он про-

тянул руку через стол и дотронулся до ее волос. Какое-то очень реальное ощущение. Ощущение чего-то твердого, гладкого и далекого, будто в нем была сама жизнь.

Он подумал.

Да, в то время я говорил сам с собой стихами.

Фольклор нашего времени. Ч.1

Ранний период эпохи развитого капитализма.

Это реальная история и в то же время поучительный рассказ. А еще это фольклор (народное предание) наших шестидесятых годов.

Я родился в 1949-м. В 1961-м поступил в школу средней ступени, в 1967-м в университет. Когда началась та самая шумиха, мне исполнилось двадцать.

В прямом смысле я – дитя шестидесятых. В тот наиболее важный жизненный период, когда человек ранним и незрелым, мы сполна глотнули жесткого и дикого воздуха шестидесятых и, естественно, как это и было предопределено, опьянели от него. Чего там только не было, от The Doors и The Beatles до Боба Дилана.

В шестидесятых точно было что-то особенное. Так я думаю и сейчас, когда вспоминаю их, и в те годы думал. Думал, в этом времени есть что-то особенное.

Не могу сказать, чтобы я любил возвращаться мыслями в прошлое или гордился временем, воспитавшим меня (собственно говоря, кто и зачем должен гордиться каким-то определенным отрезком времени?), я просто рассказываю все так, как оно было на самом деле. Да, во всем этом, несомненно, было что-то особенное. Хотя, как я полагаю, само по себе оно не бы-

ло чем-то исключительным.

Жар, возникающий при смене эпохи, обеща-
ния, провозглашаемые повсеместно, определенный
блеск, возникающий при рождении определенных ве-
щей в определенный период, роковое нетерпение,
будто смотришь в бинокль с обратной стороны, герои
и негодяи, экстаз и разочарование, мученичество и
отступничество, общие выкладки и детальные изло-
жения, молчание и красноречие, а еще скучное ожи-
дание и т. д., и т. д. Это было в любое время, есть
и сейчас. Но в наше время (прошу меня простить за
несколько пафосное выражение) все это существова-
ло по отдельности и в такой форме, что можно было
схватить рукой. Все было разложено по своим полоч-
кам. К тому же в отличие от сегодняшнего времени,
если ты что-либо получал, к этому не прикладывалась
куча таких мудреных штук, как скрытая реклама, или
полезная сопутствующая информация, или купон на
скидку, или опции для апгрейда. Не было такого, что-
бы вам вручили охапку инструкций по эксплуатации
(вот это инструкция для начинающих, вот для сред-
него уровня, а это издание для профессионального
уровня, а вот инструкции по подключению к модели
высшего уровня...). Мы просто что-то получали и уно-
сили домой. Что-то вроде того, как в лавке купить цып-

ленка¹. Все очень дико и примитивно. Вероятно, это была последняя эпоха, в которую такая модель поведения была в ходу.

Ранний период эпохи развитого капитализма. Поговорим о девушках. О нас, с нашими почти новенькими органами репродукции, и о них, все еще девственницах в ту пору, о наших взрывных, приятных и грустных сексуальных отношениях. Это будет одной из тем моей истории.

Прежде всего поговорим о девственности. (При слове «девственность» у меня возникает ассоциация с весенним полем поутру в хорошую погоду. Интересно почему?)

В шестидесятые годы девственность еще имела большое значение по сравнению с теперешним днем. По моим ощущениям (естественно, я не проводил анкетирования, поэтому могу говорить лишь приблизительно), в нашем поколении девушек, потерявших девственность до двадцати лет, не было и пятидесяти процентов. По крайней мере, в моем окружении процент был приблизительно таким. То есть почти половина девушек, сознательно или нет, еще уважали

---

¹ В эпоху Сёва во время праздников лоточники часто продавали так называемых цветных цыплят, раскрашенных в разные невероятные цвета, зеленые, синие, розовые, главным образом как игрушку для детей. Однако без надлежащего ухода почти все эти цыплята погибали.

свою девственность.

Сейчас я думаю, что большинство девушек в наши времена (скажем, занимающих промежуточную позицию), были они девственницами или нет, терзались в душе. С одной стороны, не могли допустить, что в наше-то время девственность все еще важна, с другой – не могли утверждать, что в ней нет смысла и все это глупости. Скажем начистоту, это была проблема развития ситуации. Все зависело от обстоятельств и партнеров. На мой взгляд, довольно обоснованная точка зрения и жизненная позиция.

Существовали либералки и консерваторы, которые с двух сторон теснили это относительно «молчаливое большинство». Были девчонки, считавшие секс спортом, а были и те, кто верил, что необходимо оставаться девственницей до брака. Среди мужчин были те, кто считал, что если жениться, то только на девственнице.

Это относится к любому времени, люди бывают разные, и ценности бывают разные. Однако отличие шестидесятых от соседствующих с ними периодов заключалось в том, что мы верили: если эта эпоха сможет получить развитие, то разницу в системе ценностей людей можно будет искоренить.

Миру мир.

Это рассказ о моем знакомом.

Мы учились вместе в старших классах. Если сказать о нем в двух словах, это был парень, который мог все. У него были хорошие отметки, он занимался спортом, был приветливым, настоящим лидером. Не красавец, однако лицо у него было очень чистое и хорошее. Естественно, он всегда становился старостой класса. У него был хороший голос, и он здорово пел. И язык подвешен. Когда в классе шли обсуждения, в конце он всегда подытоживал сказанное. Конечно же, его высказывания были далеки от оригинальности. Но кому, скажите мне, нужны оригинальные суждения во время классных дискуссий. Все, что нам было нужно, — побыстрее развязаться с этим делом. И стоило ему высказаться, как все заканчивалось в то время, что и должно. В этом смысле можно сказать, что парень был настоящий клад. В мире столько ситуаций, при которых требуется нечто неоригинальное. На самом деле таких ситуаций большинство.

К тому же он с уважением относился к таким понятиям, как дисциплина и совесть. Если кто-то валял дурака или шумел во время самостоятельных занятий, то он мягко обращал на это внимание. Он и не думал делать замечания. Я никогда не мог представить себе, о чем думает такой парень. Порой хотелось даже отделить его голову от тела и встряхнуть. Интересно, какой вышел бы звук? Но среди девчонок он был по-

пулярен. Стоило ему встать в классе и сказать что-нибудь, как девчонки смотрели на него глазами, полными восторга. Встретится непонятная задачка по математике – бегут к нему. Он был популярнее меня в двадцать семь раз. Вот такой был парень.

Те из вас, кто учился в муниципальных школах, полагаю, знают, что бывают парни такого склада. В каждом классе есть хотя бы один, а если нет, то класс не может как следует функционировать. В течение долгого времени мы получаем школьное образование и естественным образом приучаемся к этому жизненному принципу – независимо от того, нравится нам это или нет, в группе мы должны признавать и принимать людей такого типа. Вот какое знание я почерпнул в школе.

Однако стоит ли упоминать, что лично я не очень люблю таких людей. Не схожусь с ними. Как бы это сказать поточнее – мне нравятся люди более несовершенные, в которых больше реальности. Поэтому, учась год в одном классе, мы почти совсем не общались. Даже и не переговаривались. По-настоящему в первый раз я разговаривал с ним на летних каникулах уже на первом курсе университета. Он ходил в ту же автошколу, мы несколько раз болтали. Убивая время, вместе пили чай. Автошкола, без шуток, весьма скучное местечко, тут уж захочешь поговорить с

любим мало-мальски знакомым. Я не помню, о чем мы с ним беседовали, однако плохого впечатления у меня не осталось. Ни хорошего, ни плохого – удивительно, но впечатления не осталось никакого (впрочем, мы недолго с ним и прообщались: прежде чем я получил временные права, умудрился разругаться с инструктором и с треском оттуда вылететь).

Еще я помню, что у него была подруга. Девчонка из другого класса, первая красавица во всей школе. Красавица, отличница, спортсменка, лидер по характеру, во время классных дискуссий всегда подытоживала сказанное остальными. В любом классе обязательно есть хотя бы одна такая девчонка.

Короче говоря, они подходили друг другу.

Я видел их повсюду. Во время обеда они часто сидели в углу школьного двора и беседовали. А еще ждали друг друга, чтобы вместе пойти домой. Ездили на одной электричке, а выходили на разных станциях. Он занимался в футбольной секции, она в ESS. (Не знаю, существует ли до сих пор слово ESS. Попросту говоря, кружок английского языка.) Когда время окончания их внеклассных занятий не совпадало, тот, кто освобождался первым, занимался в библиотеке. Казалось, что они всегда вместе, когда выдается свободная минута. И они все время говорили и говорили. Помню, на меня производило впечатление то,

что люди могут так часто и много говорить.

Ни один из нас (я говорю о себе и своих несовершенных приятелях) никогда не подтрунивал над ними. Даже не обсуждали. Потому что у нас не было времени думать о таких пустяках. Эта пара существовала как нечто само собой разумеющееся. Мистер и Мисс Клин. Слово из рекламы зубного порошка. Нас абсолютно не занимало то, о чем они думают, что делают. Больше всего нас интересовал реальный мир. Политика, рок, секс и наркотики. Мы шли в аптеку и, борясь с собой, покупали презервативы, учились одной рукой расстегивать лифчик. Услышав о том, что место LSD займет порошок из бананов, мы перемалывали бананы и набивали ими трубки. Найдя траву, похожую на коноплю, мы высушивали и сворачивали самокрутки. Конечно, эффекта никакого не было. Но все это нравилось нам и так. Это было похоже на праздник. И мы балдели от всего, связанного с этим праздником.

Кто же в такое время заинтересуется парочкой типа Мистер и Мисс Клин?

Конечно, мы были глупые и заносчивые. Мы совершенно не понимали, что такое жизнь. В реальном мире не существует Мистера и Мисс Клин. Это иллюзия. Такое существует разве что в Диснейленде или рекламе зубного порошка. Но уровень наших иллюзий и их иллюзий не так уж и различался.

Это рассказ о них. Не особенно веселый рассказ и не особенно дидактичный. И все же это рассказ о них и о нас самих. Поэтому я и называю его фольклором.

Этот рассказ я услышал от него самого. Мы болтали о том о сем за бокалом вина, и вдруг всплыла эта история. Поэтому, строго говоря, ее, возможно, и нельзя назвать реальной. В ней есть фрагменты, которые я прослушал и забыл, а детали описал, опираясь на свое воображение. А для того, чтобы не создавать неудобств реальным персонажам, я специально (но так, чтобы не повредить канвы этой истории) кое-что приписал от себя. Однако на самом деле почти так все и было. Пусть я забыл какие-то детали, я и сейчас помню интонацию, с которой он об этом говорил. Когда пишешь на основании чьих-то слов, самое важное – это воспроизвести интонацию рассказа. Если ухватишь интонацию, история станет правдивой. Насколько бы она ни отличалась от реальных событий, она станет правдивой. Отклонения от реальности только увеличивают правдоподобность истории. И наоборот, в этом мире столько историй, в которых все является реальностью, но при этом они совершенно не правдивы. Такие истории, как правило, скучны, а в каких-то ситуациях еще и опасны. Такое чуешь носом.

Хочу сделать еще одну оговорку: рассказчик он был так себе. Щедрый боженька, без разбора наделивший

его всем остальным, кажется, не дал лишь способностей рассказывать. (Может, умение петь пастушьи пасторали ни к чему в современном мире.) Поэтому признаюсь: слушая его рассказ, я несколько раз хотел было зевнуть (но, конечно же, этого не делал). То он неоправданно отклонялся от темы. То разговор крутился на одном месте. И, кроме того, чтобы вспомнить реальные события, нужно было время. Он хватал части историй, осторожно всматривался в них и, когда убеждался, что здесь нет ошибок, выкладывал на стол одну за другой. Однако сам порядок иногда был ошибочен. Я, как писатель, как профессиональный рассказчик, поменял порядок фрагментов и с помощью клея аккуратно собрал их воедино.

Невероятно, но мы встретились с ним в Центральной Италии, в городе Лукке.

В то время я снимал квартиру в Риме. Жена по делам вернулась в Японию, и я в одиночестве наслаждался неспешным путешествием на поезде. Посетив Венецию, Верону, Мантую, Модену, я прибыл в Лукку. В Лукке я был уже второй раз. Спокойный, хороший город. А на его окраине был ресторан, в котором подавали изумительные грибы.

Он приехал в Лукку по торговым делам. Так совпало, что мы остановились в одной гостинице.

Мир тесен.

В тот вечер каждый из нас по отдельности ужинал в ресторане. И я, и он путешествовали в одиночку, и тому и другому было скучно. С возрастом путешествовать в одиночку становится скучно. В молодости все совсем иначе. Пускай в одиночку, да как угодно, куда ни поедешь, путешествие приносит столько радости. А вот с возрастом все пропадает. Приятно путешествовать одному только первые два-три дня. Но постепенно начинают раздражать пейзажи, в ушах стоит гомон голосов. Закрываешь глаза и сразу вспоминаешь что-нибудь противное из прошлого. Обременительно есть в ресторане. Время ожидания электрички тянется до абсурда долго. То и дело смотришь на часы. Говорить на иностранном языке становится работой.

Поэтому, увидев друг друга, я думаю, мы оба вздохнули с облегчением. Мы уселись за столик перед камином, заказали отличное красное вино, съели закуску из грибов, съели пасту с грибами, съели грибы арросто.

Он приехал в Лукку закупать мебель. Управлял фирмой, специализирующейся на импорте мебели из Европы. Естественно, дела его шли успешно. Он не особенно этим хвастался и ни на что не намекал (передавая мне свою визитку, сказал, что у него маленькая фирма), но с первого взгляда было понятно, что

он добился успеха в жизни. Его одежда, манера разговора, выражение, жесты, сам воздух, витавший вокруг него, говорили об этом. Успех таким людям, как он, очень идет. Даже приятно становится от этого.

Он признался, что читал все мои романы.

– У нас с тобой, вероятно, разные взгляды и цели, – сказал он. – Но я считаю, здорово, когда у тебя получается рассказать что-то чужим людям.

Честное мнение.

– Хорошо, когда получается рассказать умело, – отозвался я.

Сначала мы говорили о том, что за страна Италия. О том, что расписания поездов никто не соблюдает, о том, что заказы в ресторане обслуживаются долго. Но не помню почему, когда принесли вторую бутылку кьянти, он уже начал свой рассказ. Я слушал его, время от времени поддакивая. Думаю, он давно уже хотел поговорить с кем-нибудь об этом. Однако не мог же с первым встречным. Не будь он сейчас в этом приятном ресторане, в маленьком городке в Центральной Италии, не будь это выдержанное «Корте Буона», не гори огонь в камине, возможно, все так бы и закончилось ничем.

Но он рассказал.

– Я давно уже думал, что я скучный человек, – сказал он. – Даже в детстве я был ребенком, который не

умел шалить. Вокруг меня всегда была какая-то рамка, и я жил, следя за тем, чтобы не выйти за ее пределы. Всегда перед глазами было нечто вроде генеральной линии. Похоже на дружелюбную высокоскоростную магистраль. В этом направлении возьмите правую полосу, дальше поворот, запрет обгона. Если действовать согласно этим инструкциям, все будет хорошо. Все, что угодно. А за такое поведение меня все хвалили. Все восхищались. В детстве я думал, что и все остальные видят то, что вижу я. Но потом я понял, что это не так.

Он некоторое время смотрел на огонь сквозь бокал.

– Моя жизнь, по крайней мере ее начало, в этом смысле шла как по маслу. Не было проблем, которые можно было бы назвать проблемами. Но взамен я никак не мог ухватить смысла собственной жизни. По мере того как я вырослел, эти мысли становились только мрачнее. Я не понимал, чего я хочу. Синдром отличника. Ведь и математика мне дается, и по-английски говорю, и спортом занимаюсь, могу все, что угодно. Родители хвалят, учителя говорят, нет никаких проблем, могу поступить в хороший университет. Однако к чему я иду, что я хочу делать, этого я не понимаю. Я совершенно не знал, какой факультет университета мне выбрать. Идти ли мне в юриспруденцию, или в инженерное дело, или в медицину. Мне бы все

подошло. Думаю, я бы все смог. Но ничего, чтобы я чувствовал: вот оно. Поэтому, как и велели родители, я поступил на юридический факультет Токийского университета. Потому что мне сказали, что это больше всего мне подходит. Но у меня не было точного курса.— Он еще глотнул вина.— Ты помнишь мою подругу в старших классах?

— Кажется, Фудзисава,— сказал я, случайно вспомнив имя.

Уверен не был, однако попал.

— Фудзисава Ёсико,— кивнул он.— Она была такой же, как я. Я ее любил. Любил быть рядом с ней и разговаривать. Я мог рассказать ей все, что было у меня на душе, а она понимала, о чем я говорю. Мы могли разговаривать сколько угодно. Это было так здорово. Ведь до того, как я встретил ее, у меня не было ни одного друга, с которым я мог бы по-настоящему поговорить.

Он и Фудзисава Ёсико были своего рода психологическими близнецами. Окружение, в котором они воспитывались, до противности было похоже. Оба были симпатичными, отличниками, прирожденными лидерами. Суперзвезды своих классов. Их семьи были обеспеченными, отношения между родителями — плохими. Мать чуть старше отца, отец завел женщину на стороне и не возвращался домой. Они не разво-

дились, потому что боялись осуждения общества. В семьях власть принадлежала матерям. Естественно, они внушали: что бы ты ни делал, нужно быть первым. Ни у того ни у другого не было близких друзей. Оба пользовались популярностью. Однако друзей не было. Непонятно почему. Наверное, обычные, несовершеннолетние люди себе в друзья выбирают таких же несовершеннолетних, как и они сами. Они всегда были одиноки, всегда чувствовали давление.

Однако по случайности подружились. Открылись друг другу и наконец стали парой. Всегда вместе обедали, вместе возвращались из школы. Если выдавалась свободная минутка, садились рядом и беседовали. Было столько всего, о чем они должны были поговорить. По воскресеньям вместе делали домашние задания. Когда оставались только вдвоем, они могли обрести покой. Они понимали друг друга словно себя самих. Они неустанно говорили о том чувстве одиночества, утраты, беспокойства и даже о мечтах, которые были у них прежде.

Раз в неделю они стали заниматься петтингом. Либо у него, либо у нее. И там, и там дома почти никого не было (отец не жил в семье, а мать часто отлучалась по делам), и это все упрощало. Их правилом было – не снимать одежды. И использовать только пальцы. И вот так минут десять или пятнадцать они страст-

но обнимались, будто в погоне за чем-то, а затем садились за один стол и делали уроки.

Поправляя подол юбки, она говорила: «Ну, наверное, этого хватит? Давай заниматься». Их успехи были одинаковыми, поэтому они могли наслаждаться учебой, словно игрой. Задачи по математике решали на время, кто первый. Учеба не была им в тягость.

В этом они находили свое второе «я». Это было очень интересно, сказал он. Можно назвать это и глупостью, но было интересно. Подобную радость, наверное, могут понять только люди нашего типа.

Однако его не могли абсолютно удовлетворять подобные отношения. Он чувствовал, что чего-то недостает. Да, он хотел с ней спать. Он нуждался в настоящем сексе. Он назвал это «физическим единением». Ему это было необходимо. Благодаря этому мы сможем ощутить больше свободы, больше понять друг друга, думал он. Для него это был совершенно естественный переход в их чувствах.

Однако она видела ситуацию совершенно с иной точки. Поджав губы, она качала головой.

– Я очень люблю тебя. Однако хочу сохранить девственность до брака, – сказала она спокойно.

Какие бы слова он ни подбирал, чтобы убедить ее, она не хотела к нему прислушиваться.

– Я тебя люблю, очень. Но это совершенно другое.

Я четко для себя это решила. Я знаю, что делаю тебе плохо, но потерпи. Прошу тебя. Если ты и правда меня любишь, ведь сможешь потерпеть?

– Когда тебе такое говорят, остается лишь отнестись к этому с уважением, – сказал он мне. – Это проблема жизненной позиции, и убедить человека против воли невозможно. Для меня было неважно, девственница девушка или нет. Даже если бы девушка, на которой я женился, не была девственницей, не думаю, чтобы меня это особенно тронуло. Я не придерживался радикальных взглядов и не был романтиком, однако это не значит, что я консерватор. Я просто реалист. А что там с девственностью – так я не считаю это какой-то важной проблемой. Главное, чтобы мужчина и женщина как следует понимали друг друга.

Так я думал. Но это было лишь мое мнение. Я не мог ей его навязать. Она рисует себе жизнь вот такой. Поэтому я терпел. И мы занимались петтингом, засунув руки под одежду. Вы же приблизительно понимаете, как это делается?

– Приблизительно понимаю, – сказал я. У меня тоже есть такие воспоминания.

Он немного покраснел. А затем улыбнулся.

– Это само по себе тоже неплохо. Просто, остановившись на этом, я никак не мог расслабиться всей душой. Для меня это было чем-то промежуточным.

Мне хотелось, не прячась ни за чем, соединиться с ней. Чтобы я обладал ею, а она мною. Мне хотелось такого знака. Конечно же, было и физическое желание. Но не только оно. Речь о физическом единении. Я ни разу в своей жизни еще не переживал чувства единения. Я всегда был одинок. Всегда был зажат рамками. Я хотел освободиться. Мне казалось, что, обретя свободу, я смогу обнаружить свой собственный образ, виденный прежде лишь смутно. Мне казалось, что, став с ней одним целым, я смогу избавиться от рамок, контролировавших меня.

– Но ничего не получилось? – спросил я.

– Не получилось, – сказал он.

И какое-то время вглядывался в дрова, горевшие в камине. Его взгляд стал удивительно плоским.

– Не получилось до самого конца, – сказал он.

Он даже серьезно думал над тем, чтобы жениться на ней. Решительно сделал предложение. Когда мы окончим университет, то сможем пожениться. К этому никаких препятствий. А обручиться можно даже раньше. Она несколько секунд смотрела на него. А затем улыбнулась. Эта была такая прекрасная улыбка. Наверняка она обрадовалась его словам. Но в то же время в этой улыбке была какая-то грусть, было спокойствие, с каким человек, выдавший виды, может выслушивать незрелые, хоть и справедливые доводы млад-

шего по возрасту. По крайней мере, ему так показалось.

– Послушай, это невозможно. Мы с тобой не сможем пожениться. Я выйду замуж за человека старше меня, а ты женишься на ком-то младше себя. Это ведь принято в нашем мире. Женщина развивается быстрее, чем мужчина. И быстрее стареет. Ты пока еще не понимаешь толком жизни. Даже если мы и поженились бы после университета, у нас бы наверняка ничего не получилось. Наверное, мы не сможем быть такими, как сейчас. Конечно, я люблю тебя. Никогда я не любила никого, кроме тебя. Но это совершенно другое. («Это совершенно другое» – было ее присказкой). Сейчас мы школьники, ограждены от многих вещей. Но внешний мир не такой. Он больше и реальнее. Мы должны будем приспособиться к нему.

Фольклор нашего времени. Ч.2

Ему казалось, что он понимает, о чем она пытается сказать. Ведь он был гораздо реалистичнее своих сверстников. И будь ситуация другой, он бы выслушал это мнение как общую теорию, а может, и согласился бы с ним. Однако это была не общая теория. Это была его личная проблема.

– Я не могу этого понять, – сказал он. – Я очень люблю тебя и хочу быть единым с тобой. Для меня это ясно и очень важно. Пусть есть какие-то моменты, не соответствующие действительности, – по правде говоря, это не слишком большая проблема. Ты ведь мне так нравишься. Я тебя так люблю.

Она опять покачала головой. Только и повторяла – «ничего не поделаешь». А затем погладила его по волосам.

– Что мы с тобой знаем о любви? – сказала она. – Наша любовь еще не прошла никаких испытаний. Мы не несем никакой ответственности. Мы пока еще дети. И ты, и я.

Он ничего не мог ответить. Ему было просто грустно. Грустно оттого, что он не мог пробить окружающую его стену. Еще недавно ему казалось, что эта стена существует, дабы защищать его. Однако сейчас она сто-

яла на его пути. Он почувствовал собственное бессилие. Подумал, что больше ничего не сможет. Теперь я, вероятно, просто буду проживать пустые годы, окруженный этой плотной рамкой, не в силах выбраться за ее пределы.

В результате они продолжали свои отношения до окончания школы. Встречались в библиотеке, вместе делали уроки, занимались петтингом, не снимая одежды. Казалось, ее ничуть не беспокоит несовершенство их отношений. А может быть, ей и нравилось это несовершенство. Все окружающие думали, что эта пара наслаждается своей молодостью, не испытывая никаких проблем. Мистер и Мисс Клин. А он один продолжал терзаться неразрешимыми мыслями.

Весной 1967 года он поступил в Токийский университет, а она в элитный женский университет в Кобэ. Это был один из лучших женских университетов, однако с ее успехами выбор казался скромным. Если бы она захотела, могла бы поступить и в Токийский университет. Однако она даже не пыталась сдавать экзамены. Она полагала, что в этом нет необходимости. Я не особенно хочу учиться. И не собираюсь работать в Министерстве финансов. Я девушка. Я не такая, как ты. Ты человек, который идет наверх. А я хочу немного расслабиться в следующие четыре года.

Устрою себе каникулы. Ведь, когда выйду замуж, уже ничего не смогу делать, разве не так?

Это его расстраивало. Он думал о том, что они вдвоем уедут в Токио и смогут перестроить свои отношения. Он предложил поехать в Токио. Но она, как всегда, только покачала головой.

Студентом первого курса на летних каникулах он вернулся в Кобэ и почти каждый день встречался с ней (на тех летних каникулах мы и встретились с ним в автошколе). Они всюду катались на ее машине, занимались петтингом, как и раньше. Однако он не мог не заметить, как что-то стало меняться между ними. Бесшумно просачивался воздух реальности.

Ничего конкретного, что резко изменилось бы. Как раз наоборот, все оставалось таким же. Ее манера разговора, манера одеваться, выбор тем, мнение о том или ином – все это было как и прежде. Однако он почувствовал, что не может раствориться в их мире так, как это было раньше. Что-то казалось не так. Ему это напоминало инерционное движение, которое понемногу теряло амплитуду. Само по себе это было неплохо. Однако он не мог понять, в каком направлении они двигаются.

Возможно, изменился я, предположил он.

Он был одинок в своей токийской жизни. В университете ему так и не удалось завести друзей. Улицы

были грязными, еда невкусной. Люди говорили вульгарно. По крайней мере, ему так казалось. Поэтому все время в Токио он думал о ней. С наступлением вечера он уединялся в комнате и писал одно письмо за другим. От нее тоже (конечно же, реже, чем от него) приходили письма. Она подробно писала о том, как проходит ее жизнь. Он по многу раз перечитывал ее письма. Ему даже приходило в голову, что, если бы от нее не приходило писем, он бы уже повредился умом. Он стал курить и пить. Иногда даже прогуливал лекции.

Еле-еле дождавшись летних каникул, он вернулся в Кобэ, и многое там его расстроило. Удивительно, его же не было здесь каких-то три месяца, но все, что ему попадалось на глаза, стало выглядеть пыльным и безжизненным. Разговоры с матерью были смертельно скучны. Окружающие картины, о которых он с ностальгией вспоминал в Токио, выглядели старыми. Улицы Кобэ казались улицами самодовольного провинциального городишки. Разговаривать с людьми было в тягость, поход в парикмахерскую, в которой он стригся с детства, испортил ему настроение. Даже морской берег, куда он ходил каждый день с собакой, был совершенно пустым, на глаза попадался только мусор.

Свидания с ней тоже не поднимали духа. После них

он возвращался домой и, как всегда, погружался в размышления. Что же не так? Конечно, он по-прежнему любил ее. Его чувства совершенно не изменились. Но одного только этого не хватало. Нужно на что-то решиться, думал он. Страсть в определенные периоды может развиваться своими внутренними силами. Однако это не может продолжаться вечно. Если сейчас ничего не предпринять, то наши отношения скоро зайдут в тупик, а страсть задохнется и исчезнет.

Как-то раз он решил снова заговорить о проблеме секса; этой темы они все время избегали. Он намеревался поговорить об этом в последний раз.

– Три месяца в Токио я был совсем один, все время думал о тебе. Я очень люблю тебя. Каким бы ни было расстояние, это не меняется. Однако когда мы все время далеко, многие вещи начинают очень беспокоить. Порой возникают черные мысли. Когда человек остается один, он очень слаб. Тебе этого, наверное, не понять. Я еще ни разу прежде не оставался совершенно один. Это очень тяжело. Поэтому я хочу, чтобы между нами была какая-то ясная связь. Мне хочется уверенности в том, что, несмотря на расстояние, между нами есть связь.

Но она опять покачала головой. Затем вздохнула и поцеловала его. Очень нежно.

– Извини, но я не могу подарить тебе свою невин-

ность. Ведь это совершенно другое. Я для тебя сделаю все, что только в моих силах. И только этого не могу. Если ты меня любишь, больше не начинай этого разговора, прошу тебя.

Однако он еще раз предложил пожениться.

– Даже в моем классе есть помолвленные девушки. Правда, только двое, – сказала она. – Но у их женихов достойная работа. Помолвка – это ведь вот что. Брак – это ответственность. Нужно стать самостоятельным и принять чужого человека. Нельзя ничего получить, не неся при этом ответственности.

– Я могу нести ответственность, – сказал он четко. – Я поступил в хороший университет. У меня будет прекрасный диплом. С ним я смогу поступить на работу в любую фирму, в любое государственное учреждение. Я все смогу. Я поступлю с наилучшими результатами туда, куда ты захочешь. Я все смогу, надо только захотеть. В чем же тогда проблема?

Она закрыла глаза и откинула голову на спинку автомобильного кресла. Некоторое время она просто молчала.

– Я боюсь, – сказала она.

А затем расплакалась, закрыв лицо руками.

– Я по-настоящему боюсь. Ничего не могу поделать, мне так страшно. Меня пугает жизнь. Мне страшно жить. Мне страшно, что через несколько лет

я должна выйти в реальный мир. Почему ты этого не понимаешь? Почему ты ничуть этого не понимаешь? Почему ты так издеваешься надо мной?

Он обнял ее.

– Если я рядом, нечего бояться,– сказал он.– Мне ведь тоже страшно. Так же, как и тебе. Но если мы будем вместе, думаю, сможем справиться со всем без страха. Если мы объединим наши силы, то не будет ничего страшного.

Она покачала головой.

– Тебе этого не понять. Я ведь женщина. Я не такая, как ты. Ты этого не понимаешь совершенно.

Что бы он больше ни говорил, ничего не действовало. Она продолжала плакать. А когда успокоилась, сказала странную вещь.

– Послушай, даже если... Если мы с тобой расстанемся, я всегда буду помнить тебя. Честное слово. Ни за что не забуду. Я ведь и правда тебя люблю. Ты первый человек, которого я полюбила, и только оттого, что ты был рядом, мне было очень здорово. Пойми это. Однако это совершенно другое. Если ты хочешь какого-то обещания, я обещаю. Я пересплю с тобой. Но не сейчас. Я пересплю с тобой после того, как выйду за кого-нибудь замуж. Я не обманываю, даю тебе слово.

– В тот момент я абсолютно не понимал, что она

говорит,— сказал он, глядя на огонь в камине.

Официант принес горячее, а затем подложил дров в камин. С треском взлетели искры. За соседним столиком пара средних лет увлеченно выбирала десерт.

— Я ничего не понимал. Словно какая-то загадка. Вернувшись домой, я вспомнил ее слова, попробовал еще раз спокойно обдумать их, однако совершенно не мог понять ее мыслей. А ты понимаешь?

— То есть до брака нужно быть девственницей, а выйдя замуж, уже нет необходимости быть невинной, поэтому можно завести связь на стороне с тобой, поэтому она просила тебя подождать до этого времени, так получается?

— Вероятно, так оно и было. Ничего другого на ум не приходит.

— Уникальное воображение, однако вполне рассудительно.

На его губах мелькнула улыбка.

— Именно так, вполне осмысленно.

— Выйти замуж девственницей. Став женой, завести связь. Похоже на старинные французские романы. Балы, служанки, только этого не хватает.

— Но это было единственно реальное решение, до которого она додумалась,— сказал он.

— Бедняга,— сказал я.

Некоторое время он смотрел на меня. А затем мед-

ленно кивнул.

– Бедняга. Именно так. Ты точно сказал. Ты понял всю суть.— Он еще раз кивнул.— Сейчас мне это так и видится. Потому что я тоже порядком повзрослел. Но тогда мне совершенно так не казалось. Я был еще совсем ребенком. Я еще не мог понять, что у каждого человека что-то по-своему дрожит внутри. Поэтому я просто удивился. Честно сказать, настолько удивился, что чуть не упал.

– Ничего странного,— сказал я.

Потом мы замолчали на некоторое время, пережевывая грибы.

– Полагаю, нетрудно предугадать,— сказал он несколькими минутами позже,— что в конце концов мы с ней расстались. Никто из нас не предлагал расстаться. Это закончилось, скажем так, естественным образом. Очень спокойно. Наверное, и я, и она просто устали поддерживать и дальше такие отношения. Мне казалось, что она живет, ну, как бы это сказать, не искренне, что ли. Нет, не так. Честно сказать, я чувствовал, что она может жить по-настоящему. Думаю, что меня это немного расстраивало. Девственность, брак — мне казалось, что нужно отбросить эти мысли и просто по-настоящему жить.

– Но я думаю, что у нее не оставалось ничего другого,— сказал я.

Он кивнул.

– Да. Я тоже так думаю.

А затем отрезал кусок от мясистого гриба и отправил в рот.

– Гибкость исчезает. Я это хорошо понимаю. Натягиваешься до предела. У меня тоже был такой шанс. Нас загнали с самого детства. Двигайся вперед, двигайся вперед. Пусть у тебя всего лишь скромные способности, ты двигаешься вперед, как тебе велели. Однако твое собственное формирование не движется в ту же сторону. И в какой-то момент тебя натягивает до предела. Вот такая мораль.

– А с тобой было не так? – спросил я.

– Думаю, что я как-то смог это преодолеть, – сказал он, немного подумав.

А затем положил нож и вилку на стол и вытер рот салфеткой.

– После того как мы расстались, я завел подружку в Токио. Хорошая была девчонка. Какое-то время мы жили вместе. Сказать честно, в наших с ней отношениях не было той сердечной дрожи, как с Фудзисава Ёсико. Но ту девчонку я все-таки очень любил. Мы понимали друг друга и могли общаться очень искренне. У нее я смог научиться тому, что такое человеческая жизнь, какой она обладает красотой и какими слабостями. Я завел себе друзей. Приобрел интерес к по-

литике. Не могу сказать, что мои человеческие качества изменились. Я всегда был человеком реалистического склада и сейчас остался таким же. Я не пишу прозу, а ты не покупаешь мебель. Что-то вроде того. В университете я научился тому, что реализм бывает разный. Мир большой, в нем параллельно существуют разные системы ценностей, нет необходимости во всем быть первым учеником. Так я вышел в мир.

– И преуспел.

– В общем,— сказал он.

А затем несколько смущенно вздохнул. И посмотрел на меня как на соучастника в какой-то интриге.

– По сравнению с моими сверстниками, наверное, у меня значительно больший доход. С практической точки зрения,— сказал он и опять погрузился в молчание.

Я понимал, что рассказ на этом не закончен, поэтому, ничего не говоря, спокойно ожидал продолжения.

– После этого я долго не встречал Фудзисава Ёсико,— продолжил он,— долго. Окончив университет, я устроился в одну торговую фирму. Проработал там почти пять лет. Жил и за границей. Каждый день сплошная работа. Через два года после окончания университета я узнал, что она вышла замуж. Мама мне рассказала. Я не спрашивал за кого. Первое, что я подумал, когда услышал о ее замужестве,— прав-

да ли она оставалась девственницей до свадьбы. Вот что первое пришло в голову. Потом стало немного грустно. А на следующий день еще грустнее. Я почувствовал, что многое пришло к концу. Словно за спиной навечно закрылась дверь. Ну, это естественно. Я же по-настоящему ее любил. Мы с ней встречались около четырех лет. Я ведь, по крайней мере, и о браке с ней думал. Она занимала важное место в моей юности. Естественно, что мне стало грустно. Но в то же время я подумал: хорошо, если она стала счастливой. Правда, так и подумал. Ведь я, как бы сказать, все-таки беспокоился за нее. В ней было что-то хрупкое.

Официант поставил мою тарелку. А затем привез столик с десертами. Я отказался от десерта и заказал кофе.

– Я женился поздно. Мне тогда было уже тридцать два. Поэтому, когда Фудзисава Ёсико позвонила, я еще был холост. Мне, кажется, было тогда двадцать восемь. Выходит, почти десять лет назад. Я ушел из фирмы, в которой работал прежде, и только-только начал свое дело. У отца взял денег под заклад, влез в долги и открыл маленькую фирму. Я взялся за дело, решив, что рынок импортной мебели дальше будет непременно только расти. Однако ведь это с любой вещью так, сначала ничего не идет гладко. Поставки запаздывали, товары оставались нераспроданными,

росли цены на складское хранение, возврат долгов поджимал – в то время, сказать по правде, я так устал, что начал терять уверенность в себе. И вот в такой момент она позвонила. Не знаю, откуда она узнала мой номер. В восемь вечера раздался звонок. Я сразу узнал голос Фудзисава Ёсико. Такое ведь не забываешь. Он был таким родным. Я стал слабым, но как же хорошо в трудный момент услышать голос бывшей девушки.

Он внимательно всматривался в поленья в камине, словно силился что-то вспомнить. Оглянувшись, я заметил, что ресторан полон людей. Голоса, смех, бряцанье посуды наполнили это заведение. Похоже, что большинство посетителей были местными. Многие звали официантов по именам: Джузеппе! Паоло!

– Не знаю от кого, но она знала обо мне все от и до. И то, что я холост, и то, что долго работал за границей. И то, что год назад ушел с работы и начал свое дело. Все знала. Все в порядке, ты-то точно справишься. Будь уверен, сказала она мне. У тебя все получится. Не может такого быть, чтобы не получилось. Я был очень рад. Этому нежному голосу. Я смогу, подумал я вновь. Ее голос напомнил о той уверенности, которая у меня была прежде. Я подумал: пока реальность остается реальностью, я обязательно смогу пробиться. Этот мир для меня, – сказал он и рассмеялся. – А

затем я спросил ее. Какой у нее муж, есть ли дети, где она живет. У нее не было детей. Сказала, что муж на четыре года старше, работает в телевизионной компании. Директором. Наверное, много работает, сказал я. Много, так, что некогда детей сделать, сказала она. И рассмеялась. Она жила в Токио. В квартире на Синагаве. Я в то время жил в Сироганэдай. Пусть не самые близкие соседи, но всего равно недалеко. Удивительно, сказал я. Вот такой был у нас разговор. Мы рассказали друг другу все, что в такой ситуации скажет пара, встречавшаяся в старших классах. Немного сумбурно, но все равно здорово. В результате мы поговорили, как старые друзья, которые когда-то давно расстались и разошлись разными дорогами. Я давно не разговаривал так искренне. Говорили мы довольно долго. А когда сказали друг другу все, что должны, повисло молчание. Как бы объяснить... такое очень глубокое молчание. Такое молчание, что, если закрыть глаза, всплывают различные образы.

Какое-то время он рассматривал свои руки на столе. А затем поднял голову и посмотрел на меня.

– Если бы мог, я хотел бы закончить разговор на этом. Что-то вроде спасибо, что позвонила, здорово было поболтать. Ты понимаешь?

– С точки зрения реализма это было бы самым реалистичным, – подтвердил я.

– Однако она не повесила трубку. А пригласила меня к себе. Не зайдешь ли? Муж в командировке, и одной скучно, сказала она. Я не знал, что ответить, поэтому молчал. Она тоже молчала. Наше молчание тянулось какое-то время. А затем она сказала: «Я помню обещала переспать с тобой». Она сказала: «Я помню, что обещала переспать с тобой».

Некоторое время он не понимал смысла этих слов. А затем вспомнил, как она когда-то вдруг сказала, что может переспать с ним после того, как выйдет замуж за другого. Он это помнил. Однако никогда не думал, что это было обещание. Он думал, что ее слова были вызваны неразберихой в ее голове. Она запуталась, перестала понимать, что к чему, и вот такое вдруг ляпнула.

Однако выходит, что она не запуталась. Для нее это было обещание. Четкая клятва.

На мгновение он потерял ориентиры. Что правильное будет сделать, он не знал. Растерявшись, оглянулся по сторонам. Однако рамок нигде не было. Ничто больше не управляло им. Конечно, он хотел быть с ней. Нечего и говорить об этом. После того как они расстались, он столько раз представлял, что спит с ней. Когда у него была другая девушка, он в темноте не раз представлял себе это. Ведь он даже никогда не видел ее обнаженной. Все, что он знал о ее теле,–

ощущение на кончиках пальцев, когда те погружаются между ног. Она даже не снимала белья.

Однако он понимал, что переспать с ней в такой момент было бы опасно. Возможно, это многому повредит. Он не хотел еще раз теревить и пробуждать то, что оставил в темноте прошлого. Это, чувствовал он, было бы неправильно. В такой поступке есть элементы нереальности, они несовместимы с ним.

Однако, конечно же, он не мог отказаться. Как бы он смог отказаться? Это же вечная сказка. Чудесная сказка, которая может сбыться, вероятно, лишь раз в жизни. Его красивая подруга, которая была рядом с ним в то время, когда он был так раним, говорит, приезжай ко мне прямо сейчас, потому что я хочу с тобой спать. Она живет совсем недалеко. И между ними – мифическое обещание, которым они обменялись давным-давно в глубоком лесу.

На некоторое время он закрыл глаза и ничего не говорил. Он почувствовал, что потерял слова.

– Алло, – спросила она, – ты там?

– Да, – сказал он. – Хорошо. Я сейчас выхожу, думаю, через полчаса максимум буду. Говори адрес.

Он записал название их дома, номер квартиры и телефон. А затем поспешно побрился, переоделся, поймал такси и направился к ней.

– А что бы ты сделал? – спросил он меня.

Я покачал головой. На такой сложный вопрос так просто и не ответишь.

Он рассмеялся и посмотрел на свою чашку кофе.

– Я бы хотел, чтобы мне не пришлось давать ответа. Но так не получилось. Я должен был принять решение в тот самый момент. Ехать или не ехать. Одно из двух. Никакого промежуточного решения. И я поехал к ней домой. Постучался в дверь ее квартиры. Подумал, хорошо бы, чтобы ее там не оказалось. Однако она была там. Красива, как и раньше. Обворожительна, как и раньше. И так же приятно пахла, как и раньше. Мы выпили с ней, поговорили о старых временах, послушали старые пластинки. А как ты думаешь, что было дальше?

Я мог только гадать. И сказал, что могу только гадать.

– Когда-то давно, совсем еще ребенком я читал одну сказку,— сказал он, смотря на противоположную стену ресторана.— Я не помню содержания. Помню хорошо только последнюю строчку. Потому что в первый раз мне попалась сказка с таким странным концом. Вот так она кончалась. «После того как вся эта история закончилась, король и все его придворные рассмеялись, надрывая себе животики». Тебе не кажется, что это какой-то странный конец?

– Кажется,— сказал я.

– Хорошо бы вспомнить, что там была за история, но вспомнить никак не могу. Ничего не помню, кроме этой удивительной последней строчки. «После того как вся эта история закончилась, король и все его придворные рассмеялись, надрывая себе животики». Какое же там было содержание?

К этому времени мы уже допили кофе.

– Мы обнялись, – сказал он, – однако не переспали. Я не снимал с нее одежды. Так же как и тогда, мы пользовались только пальцами. Казалось, что так лучше всего. Кажется, она тоже думала, что так лучше.

Ничего не говоря, мы долго занимались петтингом. То, что мы должны были понять, мы могли понять только так. Думаю, что раньше все могло бы быть по-другому. Думаю, что если бы мы занимались тогда обычным сексом, то могли бы больше узнать друг друга. А может, при помощи этого смогли бы стать счастливее. Но это все уже закончилось. Все уже запечатано и заморожено. Уже больше никто не сможет это распечатать.

Он крутил пустую кофейную чашку на блюде. Он занимался этим довольно долго. Так, что официант уже пришел проверить, не хотим ли мы еще чегони-будь. Наконец он поставил чашку на место. А затем вновь позвал официанта и заказал еще один эспрес-

со.

– Я думаю, что пробыл у нее всего час. Точно не помню. Кажется, приблизительно столько. Не больше. Будь я там дольше, то, наверное, сошел бы с ума, – сказал он и улыбнулся. – Затем я попрощался с ней и ушел. Она тоже сказала мне «прощай». Это на самом деле было последнее «прощай». Я это понимал, и она это понимала. В последний раз, когда я на нее посмотрел, она стояла в дверях, скрестив руки на груди. Она попыталась что-то сказать. Но ничего не сказала. И без ее слов я знал, что она хотела сказать. Я был ужасно... ужасно опустошен. Словно сама пустота. Все звуки вокруг звучали как странный ветер. Форма многих вещей искривилась. Я брел куда глаза глядят. Казалось, что время, которое я потратил в своей жизни, было потрачено бессмысленно. Мне хотелось вернуться к ней, крепко обнять ее. Но этого я не мог. Не мог.

Он закрыл глаза и покачал головой. Затем выпил второй эспрессо, который ему подали.

– Стыдно такое говорить, но я теми же ногами вышел на улицу и купил женщину. В первый раз в жизни купил женщину. Думаю, что и в последний.

Некоторое время я смотрел на свою чашку. А затем подумал о том, каким самонадеянным человеком я был раньше. Хотелось как-то рассказать ему об этом.

Однако у меня бы не получилось об этом рассказать удачно.

– Когда вот так рассказываешь, кажется, что это произошло с кем-то другим,– сказал он и рассмеялся.

А затем замолчал, задумавшись. Я тоже молчал.

– «После того как вся эта история закончилась, король и все его придворные рассмеялись, надрывая себе животики»,– вдруг сказал он.– Каждый раз, когда я вспоминаю о том моменте, на ум приходит эта фраза, как условный рефлекс. Мне кажется, что к глубокой грусти всегда примешивается что-то слегка комичное.

На мой взгляд, как я и оговаривался раньше, эту историю нельзя назвать поучительной. Однако это подлинная история, которая случилась с ним, история, случившаяся со всеми нами. Поэтому, услышав ее, я не смог рассмеяться от души, не могу сделать этого и сейчас.

Кано Крита

Меня зовут Кано Крита, я помогаю в работе своей старшей сестре Кано Мальта.

Конечно же, по-настоящему меня зовут не Кано Крита. Это имя я использую, когда помогаю сестре. То есть профессиональный псевдоним. Вне работы я использую свое настоящее имя Кано Таки. А называю себя Крита потому, что моя сестра называет себя Мальтой.

Мне еще не приходилось бывать на острове Крит. Иногда я смотрю на него на карте. Крит – греческий остров недалеко от Африки. Он длинный и узкий, формой напоминает кусок мяса на косточке, обглоданный собакой, на нем есть известные руины. Кносский дворец. Легенда о том, как молодой герой заблудился в лабиринте, а царевна его спасла. Если у меня появится возможность съездить на остров Крит, я обязательно ею воспользуюсь.

Моя работа заключается в том, чтобы помогать сестре, которая слушает воду. Моя сестра профессионально занимается тем, что слушает воду. Слушает воду, которая пропитала человеческое тело. Не стоит, наверное, и говорить, что на это не всякий способен. Необходим талант и необходима тренировка. В Япо-

нии это может, вероятно, только моя сестра. Когда-то давно сестра изучала это искусство на острове Мальта. Туда, где практиковалась моя сестра, приезжали и Аллен Гинзберг, и Кит Ричардс. На острове Мальта есть такое специальное место. В этом месте вода имеет очень большое значение. Сестра занималась там несколько лет. А затем вернулась в Японию, назвала себя Кано Мальта и приступила к работе, стала слушать воду в человеческом теле.

Мы снимаем старый дом в горах, где живем вдвоем. У нас есть погреб, там сестра хранит разные сорта воды, привезенные из разных областей Японии. Вода стоит в керамических кувшинах. Так же как и для вина, погреб – самое подходящее место для хранения воды. Моя работа заключается в том, чтобы как следует сохранить эту воду. Если в нее попадает грязь, я ее вычерпываю, а также слежу за тем, чтобы зимой она не покрывалась льдом. Летом – чтобы в ней не заводились насекомые. Не особенно сложная работа. И времени почти не отнимает. Поэтому большую часть дня я обычно провожу за архитектурными чертежами. А когда к сестре приходят посетители, подаю чай.

Ежедневно сестра прикладывает ухо к каждому кувшину в погребе и внимательно вслушивается в еле уловимые звуки, возникающие в них. И так каждый день, часа по два-три. Для нее это тренировка слуха.

Разная вода издает разные звуки. Сестра заставляет и меня этим заниматься. Я закрываю глаза и пытаюсь обратиться в слух. Однако мне почти не слышно звуков воды. Наверное, у меня нет такого таланта, как у сестры.

– Сначала ты должна услышать звук воды в кувшине. А уже потом сможешь услышать звуки воды в человеческом теле,– говорит мне сестра.

Я изо всех сил напрягаю слух. Однако ничего не слышу. Хотя иногда мне кажется, будто я что-то все-таки слышала. Будто что-то шевельнулось очень далеко. Доносится такой звук, словно бы маленькая букашка раза два-три взмахнула крылышками. Вернее сказать, не звук доносится, а воздух еле-еле вздрагивает. Но через мгновение все исчезает. Словно играет со мной в прятки.

Мальта говорит, жаль, что я не слышу этого звука.

– Именно таким людям, как ты, необходимо четко улавливать звуки воды в человеческом теле,– говорит Мальта.

А говорит она так, потому что я женщина с проблемами.

– Ты просто должна его услышать,– говорит Мальта. А затем качает головой.– Если ты сможешь его слышать, то проблема решится сама собой,– говорит Мальта.

Сестра всем сердцем беспокоится обо мне.

У меня и правда есть проблема. И я никак не могу избавиться от нее. Все мужчины, встречаясь со мной, обязательно пытаются меня изнасиловать. Каждый, кто меня увидит, валит на землю и стягивает ремень со штанов. Я не понимаю почему. Это давно уже началось. Сколько себя помню.

Полагаю, что я красавица. Тело у меня превосходное. Грудь большая, зад подтянутый. Смотрю на себя в зеркало и понимаю, что секси. Когда иду по улице, все мужчины ошарашенно глядят вслед. Мальта мне говорит:

– Но ведь это не значит, что насилуют всех красивых женщин в мире без исключения.

Я согласна с ней. Только мне так не повезло. Наверное, и на мне за это ответственность лежит. Наверное, на них желание нападает оттого, что я робею от их взглядов. Они раздражаются, когда это видят, и подсознательно жаждут изнасиловать меня.

Какие только мужчины не насильовали меня раньше. Насильовали грубо, несмотря на сопротивление. Учитель в школе, одноклассник, домашний репетитор, дядя по маминей линии, сборщик счетов за газ, даже пожарный, который приехал тушить пожар в соседнем доме. Как бы я ни пыталась этого избежать, ничего не получалось. И ножом меня резали, и по ли-

цу били, и шлангом душили. Вот так грубо насильовали.

Поэтому я уже давно перестала выходить из дома. Если так и дальше будет продолжаться, меня в конце концов убьют. Вместе с сестрой мы уединились в горах подальше от населенных мест и заботимся о воде в кувшинах, стоящих в погребе.

Всего один раз я убила насильника. Если говорить начистоту, убила-то его моя сестра. Этот мужчина, как и остальные, пытался меня изнасиловать. В нашем погребе. Он был полицейским. Пришел к нам с каким-то расследованием, однако с того момента, как открылась дверь, казалось, что он уже и минуты не может потерпеть, поэтому прямо на месте меня и повалил. Разорвал на мне одежду на клочки и спустил свои штаны до колен. У него еще пистолет бултыхался. Я в страхе сказала, что он может делать что хочет, только пусть не убивает меня. Он ударил меня в лицо. Однако в этот момент, к счастью, вернулась сестра. Она услышала шум и появилась со здоровенной палкой в руке. А затем решительно ударила полицейского сзади по голове. Раздался глухой звук, словно что-то куда-то провалилось, и полицейский потерял сознание. Затем сестра принесла с кухни нож и аккуратно, как разделявают брюхо тунца, перерезала ему горло. Разрезала бесшумно. Сестра мастерски точит

ножи. Ножи, которые точит сестра, режут невероятно остро. Ошеломленно я наблюдала за этим.

– Зачем ты это делаешь? Зачем перерезать ему горло? – спросила я.

– Лучше перерезать на всякий случай. Зато потом не будет гнить. Все-таки он полицейский. Возможно, так и его призрак не станет нам являться, – сказала Мальта.

Моя сестра очень практично разбирается с делами. Крови из него вышло очень много. Эту кровь сестра слила в один из кувшинов.

– Лучше выдавить всю кровь, – сказала Мальта. – Тогда он не начнет гнить.

И пока не стекла вся кровь, мы держали полицейского вверх тормашками за ноги в ботинках. Он оказался крупным мужчиной, поэтому держать его за ноги было тяжело. Будь Мальта не такой сильной, у нас наверняка ничего бы и не получилось. А она крупная, как дровосек, и сильная.

– Не твоя вина в том, что мужчины нападают на тебя, – сказала Мальта, держа его за ноги. – Все это из-за воды в твоём теле. Это вода не подходит телу. Потому люди пытаются извлечь эту воду. Они на это злятся.

– А каким образом можно избавиться от этой воды? – спросила я. – Не могу же я всю жизнь прятаться от людских глаз. Не хочу я так.

Честно сказать, я хотела бы жить во внешнем мире. У меня лицензия проектировщика высшей категории. Я получила ее, обучаясь заочно. Получив лицензию, я участвовала в различных архитектурных конкурсах, даже получила несколько премий. Моя специальность – конструирование тепловых электростанций.

– Нельзя торопиться. Нужно прислушаться. И тогда ты услышишь ответ,– сказала Мальта.

А затем потрясла полицейского за ноги, чтобы слить кровь в кувшин до последней капли.

– Но мы же убили полицейского. Что нам теперь делать? Ужас, если кто-нибудь про это узнает,– сказала я.

Убийство полицейского – тяжелое преступление. За него смертной казни не избежать.

– Закопаем его на заднем дворе,– сказала Мальта. И мы закопали на заднем дворе полицейского с перерезанным горлом. Закопали и пистолет, и наручники, и блокнот, и ботинки. Все сделала Мальта, и яму выкопала, и тело перетащила, и яму закопала. За работой Мальта, подражая голосу Мика Джаггера, напевала «Going to a Go-Go». Закопав его, мы утоптали землю, а сверху набросали сухих листьев.

Конечно, местная полиция провела тщательное расследование. Искали пропавшего полицейского,

перевернув все вверх дном. К нам тоже приходил инспектор. Задавал вопросы. Однако не нашел никаких зацепок.

– Все в порядке, никто не узнает,– сказала Мальта.– И горло перерезали, и кровь выжали. И яму довольно глубокую выкопали.

Мы смогли вздохнуть с облегчением.

Однако со следующей недели в доме стал появляться дух убитого полицейского. Дух полицейского со спущенными по колена штанами поднимался и спускался в погреб. Он бряцал пистолетом. Вид у него был жалкий, однако, как бы он ни выглядел, привидение есть привидение.

– Странно, мы же перерезали ему горло, чтобы его дух не являлся,– сказала Мальта.

Сначала я боялась этого духа. Ведь это мы убили полицейского. Забиралась в кровать сестры и спала с ней, дрожа от страха.

– Тебе нечего бояться. Он же ничего не может. Мы ведь как следует перерезали ему горло и кровь спустили. А его штукovina больше не встанет,– сказала Мальта.

Так и я постепенно привыкла к присутствию призрака. Призрак убитого полицейского ничего не делал, просто ходил туда-сюда, беззвучно выпуская воздух через разрезанное горло. Просто шагал. Ничего осо-

бенного, стоит только привыкнуть. Больше не пытался на меня нападать. И крови нет, и сил, чтобы на меня напасть. Что-то пытался сказать, но воздух только свистел через отверстие в горле, и ничего сказать он не мог. Точно как и говорила сестра. Если разрезать, то потом никаких проблем не будет. Иногда я специально, раздевшись донага, кривлялась, пытаюсь спровоцировать дух полицейского. Даже ноги расставляла. Даже делала кое-что совсем неприличное. Жутко неприличное, даже и сама не думала, что на такое способна. Однако дух уже ничего не чувствовал.

Благодаря этому я обрела в себе уверенность. Я перестала бояться.

– Я больше не боюсь. Мне никто не страшен. Меня ничто больше не связывает,– сказала я Мальте.

– Возможно,– ответила Мальта.– Но ты все равно должна услышать звук воды в своем теле. Это очень важно.

Как-то раз мне позвонили. Предложили спроектировать новую крупную тепловую электростанцию. Сердце запрыгало от радости. В голове было несколько планов новых электростанций. Мне так хотелось оказаться во внешнем мире и построить много-много электростанций.

– Но если ты окажешься во внешнем мире, то, возможно, опять столкнешься с неприятностями,– сказа-

ла Мальта.

– Я хочу попробовать,– ответила я.– Хочу попробовать еще раз с начала. Мне кажется, что на этот раз у меня все получится. Потому что я больше не боюсь. Меня ничто больше не связывает.

Мальта покачала головой и сказала, что ничего со мной не поделаешь.

– Но будь осторожна. Нельзя терять бдительность,– сказала Мальта.

И я вырвалась во внешний мир. Спроектировала несколько тепловых электростанций. Мгновенно стала первой в этой профессии. У меня был талант. Электростанции, спроектированные мной, были оригинальными, надежными, и ни одна из них не сломалась. Работающие на них люди хвалили меня. Когда кто-то собирался построить тепловую электростанцию, обязательно приходил ко мне. Я сразу же разбогатела. В самом лучшем месте в городе я купила целое здание и обосновалась на последнем этаже. Установила разные системы безопасности, электронную сигнализацию, наняла охранника – гея, похожего на гориллу.

Так я жила в роскоши и счастье. До того момента, пока не пришел тот мужчина.

Он был очень большой. С зелеными горящими глазами. Он сломал все системы безопасности, вырвал

сигнализацию, избил охранника и вышиб дверь моей комнаты.

Стоя перед ним, я не боялась, однако ему не было до этого никакого дела. Он сорвал с меня одежду и спустил штаны. А затем грубо изнасиловал и перерезал горло. У него был очень острый нож. Разрезал мое горло так, будто это было мягкое масло. Так легко, что я сразу и не поняла, что его перерезали. А затем наступила темнота. И в темноте шагал полицейский. Он пытался что-то сказать, но только воздух свистел сквозь отверстие в горле. А затем я услышала звук воды, пропитавшей мое тело. Да, услышала понастоящему. Такой тихий звук, но я его как следует услышала. Я опустилась в глубь своего тела, прильнула ухом к стене внутри его и еле услышала, как капает вода. Кап. Кап. Кап. Кап.

Кап. Кап. Кап.

Меня. Зовут. Кано. Крита.

Зомби

Он и она шли по дороге. Дорога проходила рядом с кладбищем. Глубокой ночью. Даже туман поднялся. Они не хотели идти по этой дороге так поздно. Однако обстоятельства сложились так, что пришлось. Крепко держась за руки, они быстро двигались вперед.

– Как в клипе Майкла Джексона²,– сказала она.

– Точно, сейчас надгробия зашевелиятся,– сказал он.

В этот момент раздался скрип, будто что-то тяжелое шевельнулось. Остановившись, они, не сговариваясь, переглянулись.

Он рассмеялся:

– Ерунда! Нечего бояться. Ветка шелохнулась. Наверное, от ветра.

Но ветра не было. Она сглотнула и оглянулась по сторонам. Какое-то неприятное чувство. словно предчувствие беды.

Зомби.

Но ничего не было видно. Никаких признаков воскресших мертвецов. Они пошли дальше.

Ей показалось, что на его лице появилось жесткое

---

² «Триллер».

выражение.

– Почему ты так неуклюже ковыляешь? – неожиданно спросил он.

– Я? – удивилась она. – Неужели так неуклюже?

– Просто жуть.

– Правда?

– Ноги колесом.

Она закусила губы. Может, и есть немножко. Подошвы чуть стерлись по бокам. Но не так же, чтобы высказывать это в лицо.

Но она ничего не сказала. Она любила этого мужчину, а он любил ее. В следующем месяце они собирались пожениться. Не хотелось ссориться из-за каких-то мелочей.

Пусть у нее немного кривые ноги, что же с того.

– Впервые встречаюсь с женщиной с кривыми ногами.

– Да? – сказала она с вымученной улыбкой. Может, он пьян? Но нет, сегодня ведь совсем не пил.

– А еще у тебя в ухе аж целых три родинки!

– Да ты что! – сказала она. – И в каком?

– В правом. Внутри правого уха три родинки. Очень противные.

– Тебе не нравятся родинки?

– Ненавижу родинки, они такие противные. Разве есть на свете люди, которым бы они нравились?!

Она еще сильнее закусила губы.

– А еще у тебя иногда воняет под мышками, – продолжал он. – Мне давно это на нервы действует.

Если бы мы познакомились летом, вряд ли бы все еще встречались.

Она вздохнула. А затем вынула руку из его руки.

– Постой-ка. Тебе не кажется, что ты говоришь лишнее? Это уже чересчур. Ты никогда себе такое...

– И воротник блузки грязный. Я про ту, которая сегодня на тебе. Почему ты такая неряха? Почему у тебя все шиворот-навыворот?

Она молчала. Не могла и слова сказать от злости.

– А ты слушай, у меня куча всего, что я хочу тебе сказать. Ноги колесом, вонючие подмышки, грязный воротник, родинки в ухе – а ведь это только часть. Вот еще! Чего ты нацепила серьги, которые тебе не идут? Выглядишь как девка продажная. Да нет, шлюхи и то попримечательнее носят. Если уж захотела такое нацепить, то кольцо бы в нос вставила. Как раз подойдет к твоему двойному подбородку. Кстати, вспомнил о двойном подбородке. У твоей мамы он как у свиньи. Хрюкает как свинья. Ты будешь такой же лет через двадцать. Да и жрете вы похоже, что мамаша, что дочка. Свиньи. Набиваете рот и чавкаете. И папаша просто ужас. Даже толком писа'ть не умеет! Недавно прислал письмо моим родителям, так все со смеху попадали. Кто

же так пишет-то! Он, наверное, и начальную школу не закончил. Что за жуткая семейка. Из трущоб вылезли. Такое облить бензином да поджечь. На жиру хорошо будет гореть наверняка.

– Если тебе все так не нравится, зачем тогда собираешься жениться?

Он ничего на это не ответил. А затем выкрикнул:
«Свинья!»

– А вот еще – то, что у тебя там. Ужас, да и только. Я смирился и просто делаю свое дело, но там уже все как дешевая растянутая резина. Будь у меня такое, я бы точно сдох. Будь я женщиной и имей такое, от стыда бы сдох. Неважно, какой смертью. Просто бы сдох. Потому что жить с этим – позор.

Она растерянно стояла рядом.

– Как ты смеешь так...

В этот момент он внезапно схватился за голову. Затем лицо скривилось от боли, он стал раздирать ногтями кожу на висках.

– Больно как, – сказал он. – Голова раскалывается. Не могу терпеть. Как плохо!

– С тобой все в порядке? – спросила она.

– В каком порядке?! Я больше не могу терпеть! Кожа лопается, прямо горит.

Она коснулась руками его лица. Его лицо было горячим, будто охвачено огнем. Она попыталась помас-

сировать виски, и кожа стала сползать чулком. Показалось гладкое красное мясо. Она сглотнула и отпрянула назад.

Он встал на ноги. А затем усмехнулся. И стал сдирать кожу с лица.

Глазные яблоки повисли. Нос превратился в два темных отверстия. Исчезли губы, обнажились зубы. Они оскалились в усмешке.

– Я был все это время с тобой, чтобы когда-нибудь сожрать твое мясо, похожее на свинину. Думаешь, с тобой можно общаться для чего-то другого? Ты не понимаешь даже этого?! Идиотка, что ли? Идиотка? Идиотка? Хе-хе-хе.

Облезлый кусок мяса погнался за ней. Она бежала что было мочи. Но убежать от куска мяса, топтавшего следом, так и не смогла. На краю кладбища скользкая рука схватила ее за воротник блузки. Тогда она закричала изо всех сил.

Ее обнимал мужчина.

В горле пересохло. Мужчина с улыбкой смотрел на нее.

– Что с тобой? Плохой сон приснился?

Она приподнялась, огляделась по сторонам. Они лежали в постели гостиницы, расположенной на берегу озера. Она потрясла головой.

– Я что, кричала?

– Очень,– ответил он со смехом.– Такой ужасный крик. Все постояльцы, наверное, слышали. Наверняка подумали, что здесь произошло убийство.

– Извини,– сказала она.

– Ничего,– сказал он.– Неприятный сон?

– Не представляешь, насколько неприятный.

– Расскажешь?

– Не хочу,– сказала она.

– Лучше рассказать. Расскажешь, дрожь сразу уляжется.

– Да ладно. Сейчас говорить не хочу. Некоторое время они молчали. Она лежала, прижавшись к его обнаженной груди. Издалека доносилось кваканье лягушек. В его груди сердце билось медленно и четко.

– Послушай,– сказала она, вспомнив,– хочу тебя спросить кое о чем...

– О чем?

– Нет ли у меня родинок в ухе?

– Родинок? – переспросил он.– Тех трех противных родинок в правом ухе?

Она закрыла глаза. Все еще продолжалось.

Сон

Глава 1

Вот уже семнадцатый день, как я перестала спать. Я не говорю о бессоннице. О бессоннице я имею мало-мальское представление. Когда я училась в университете, однажды со мной случилось что-то вроде бессонницы. Оговорюсь, что «вроде бессонницы», поскольку не уверена, было ли мое состояние той самой болезнью, которую в народе называют бессонницей. Если бы я сходила в больницу, там бы разобрались, бессонница это или нет. Однако я никуда не пошла. Мне показалось, что мой поход в больницу не принесет мне никакой пользы. Никаких особых причин для этого на ум не приходило. Я просто интуитивно так почувствовала. Этот поход бесполезен. Поэтому я не пошла к врачу и ничего не рассказала ни семье, ни друзьям. Я ведь знала – расскажи я об этом, мне велют сходить в больницу.

Около месяца продолжалось «что-то вроде бессонницы». За этот месяц мне ни разу не удалось нормально выспаться. Наступает ночь, я ложусь в постель и собираюсь спать. И в тот же момент будто

условный рефлекс срабатывает, и я не могу заснуть. Как ни пытаюсь заснуть, не получается. И чем больше думаю о том, что надо заснуть, тем меньше хочется закрывать глаза. Я пробовала и алкоголь, и снотворные, но ничего не действовало.

С наступлением рассвета начинает казаться, что ты наконец засыпаешь. Однако этот сон и сном-то не назовешь. Кончиками пальцев я чуть касаюсь самой кромки сна. А мое сознание бодрствует. Я чуть дремлю. Но в соседней комнате, отделенной тонкой стеной, это сознание всюду бодрствует и внимательно следит за мной. Мое тело плывет в рассветных сумерках, но при этом продолжает чувствовать собственное сознание и дыхание. Мое тело пытается заснуть, и в то же время мое сознание пытается бодрствовать.

И эта неполноценная дрема продолжается с перерывами весь день. В голове все плывет как в тумане. Я не могу определить точное расстояние, вес и ощущения от окружающих предметов. А еще дрема, словно волна, захлестывает меня с определенными интервалами. На сиденье в электричке, за столом в аудитории или за ужином я неосознанно впадаю в дремоту. От меня упархивает сознание. Мир бесшумно колышется. Я роняю предметы на пол. Будь то карандаш, сумочка или вилка, они громко падают на пол. А мне больше всего хочется упасть прямо на ме-

сте и заснуть крепким сном. Но не получается. Бодрствующее сознание все время рядом. Я продолжаю чувствовать его холодную тень. Это моя собственная тень. Как странно, думаю я сквозь дрему. Я нахожусь внутри собственной тени. Я иду в дреме, я ем в дреме, я разговариваю в дреме. Удивительно, что никто вокруг не замечал моего чрезвычайного положения. За тот месяц я похудела на шесть килограммов. И, несмотря на это, ни семья, ни друзья, никто не заметил. Того, что я жила как во сне.

Именно так, буквально жила во сне. Мое тело утратило чувствительность, словно я тонула. Все вокруг казалось медленным и мутным. Само то, что я живу в этом мире, стало казаться недостоверной иллюзией. Я думала, что стоит подуть сильному ветру, как мое тело унесет на самый край мира. В то место на краю мира, которого я никогда не видела, о котором никогда не слышала. А потом мое тело навеки отсоединится от сознания. Поэтому я хотела за что-нибудь покрепче уцепиться. Однако сколько ни смотрела по сторонам, не видела ничего, за что бы могла схватиться.

Ночью наступало бодрствование. До того я была совершенно измотана. А затем мощной силой меня прикрепляло к ядру бодрствования. Эта сила была слишком мощной, поэтому все, что я могла, — это продолжать бодрствовать до самого утра. Я продолжала

не спать в ночной тьме. Почти не могла размышлять. Слушая, как часы отмеряют время, я просто спокойно наблюдала за тем, как понемногу сгущается ночная тьма, а затем опять светлеет.

Но вот однажды все закончилось. Никаких предположений, никаких внешних причин не было, все закончилось в одночасье. Во время завтрака я ощутила желание спать, будто внезапно начала терять сознание. Не говоря ни слова, я вышла из-за стола. Кажется, я что-то уронила на пол. Кажется, кто-то что-то сказал. Я ничего не помню. Пошатываясь, добралась до своей комнаты и, не раздеваясь, свалилась в кровать, так и заснула. А затем проспала двадцать семь часов кряду. Мама беспокоилась и несколько раз тормозила меня. Била по щекам. Но я не просыпалась. Двадцать семь часов мои глаза даже не приоткрывались. Когда я проснулась, стала опять такой же, как и прежде. Вероятно.

Я не знаю, по какой причине у меня началась бессонница и по какой причине она внезапно прошла. Она была чем-то вроде толстых темных туч, которые издалека приносит ветер. Внутри этих туч полным-полно неизвестных мне несчастий. Никто не знает, откуда они приходят и куда уходят. Как бы то ни было, они пришли, застлали небо над моей головой, а затем ушли.

Однако отсутствие сна сейчас – это совершенно другая история. Другая с начала и до конца. Я просто не могу спать. Даже дремать не могу. Если отбросить тот факт, что я не могу спать, во всем остальном я совершенно в порядке. Совсем не хочу спать, и сознание остается очень ясным. Настолько, что можно даже сказать – яснее обычного. В организме нет никаких отклонений. Аппетит хороший. Усталости не чувствую. С практической точки зрения нет никаких проблем.

Ни муж, ни ребенок не замечают того, что я не сплю. И я ничего не говорю. А что говорить, ведь только в больницу отправят. А я ведь понимаю. Ну пойду в больницу, и ничего ведь не изменится. Поэтому и не говорю. Так же как и тогда, когда у меня была бессонница. Я понимаю лишь одно. С этим мне нужно разбираться только самой.

Поэтому они ничего не знают. Внешне моя жизнь течет так же, как и всегда. Очень ровно, очень регулярно. Проводив утром мужа и ребенка, я, как обычно, на машине еду за покупками. Муж – зубной врач, у него клиника недалеко от дома, минутах в десяти на машине. Клиникой он управляет вместе со своим приятелем по стоматологическому институту. Поэтому и техника, и секретаря в приемной они оплачивают пополам. Если у одного слишком много пациентов, то

их может принять другой. И мой муж, и его приятель мастера своего дела, поэтому, начав здесь свой бизнес почти без какой-либо протекции, они всего за пять лет добились того, что клиника стала процветать. Что один, что другой работают очень много.

– Я хотел бы работать поспокойнее. Но не время жаловаться,— говорит муж.

Ну да, говорю я. Не время жаловаться. Это точно.

Чтобы открыть клинику, нам пришлось взять в банке ссуду, куда как больше, чем мы рассчитывали сначала. Стоматологическая клиника требует инвестиций в дорогое оборудование. Потом еще жесткая конкуренция. Если ты сегодня открыл клинику, это не значит, что завтра к тебе хлынут пациенты. Полно стоматологических клиник, которые разорились оттого, что не приобрели своих пациентов.

Когда открыли клинику, мы были еще молодыми, бедными, с новорожденным младенцем на руках. Никто не знал, сможем ли мы выжить в этом жестоком мире. Однако прошло пять лет, худо-бедно мы выжить смогли. Не время жаловаться. Долгов еще осталось две трети.

– Ты красавчик, вот пациенты к тебе и валят,— говорю я.

Вечная шутка. Я говорю так, потому что он вовсе не красавчик. Если описывать его, так у него странное

лицо. Я и сейчас иногда думаю об этом. Почему я вышла замуж за человека с таким странным лицом, хотя у меня были приятели и покрасивее.

Мне сложно толком объяснить, что в его лице странного. Он, конечно же, не красавец, но и некрасивым мужчиной его тоже не назовешь. В его лице нет какой-либо изюминки. По правде сказать, мне ничего не остается, как просто называть его «странным». Возможно, лучше всего описать его лицо как «невыразительное». Но ведь не только это. Более важно то, что в лице мужа есть какой-то элемент, который трудно ухватить. Мне кажется, если его ухватить, то весь образ «странности» можно будет понять. Но я пока не смогла этого. Как-то раз мне было необходимо для чего-то нарисовать лицо мужа, и я попробовала это сделать. Но не получилось. Взяла карандаш в руки, села над листом бумаги, но никак не могла вспомнить, какое у него лицо. Это меня немного озадачило. Мы так давно живем вместе, а я не могу вспомнить, какое лицо у моего мужа. Когда смотришь, то все понятно. Даже в голове можешь нарисовать. Но стоит попытаться нарисовать его по памяти, как понимаешь, что совершенно ничего не помнишь. Это ошеломляет, словно утыкаешься в невидимую стену. Ничего не могу вспомнить, кроме того, что у него странное лицо.

Иногда это меня беспокоит.

Однако на большинство людей он производит приятное впечатление, а это очень важно с такой работой, как у него. Думаю, не стань он стоматологом, то добился бы успеха и в любой другой работе. Поговорив с ним, люди, кажется, неосознанно испытывают чувство покоя. До того как я встретила с мужем, мне ни разу не приходилось видеть людей такого типа. Все мои подружки в восторге от него. Конечно же, и мне он нравится. Даже думаю, что люблю его. Но, строго говоря, ничего такого, что вызывало бы во мне восторг, в нем нет.

Зато он умеет очень естественно смеяться, словно ребенок. Обычно взрослые мужчины так смеяться не умеют. А еще, хотя, может, это и само собой разумеется, у него очень красивые зубы.

— Не моя вина в том, что я красавчик,— говорит муж с улыбкой.

Всегда повторяет одно и то же. Эта глупая шутка понятна только нам двоим. Однако, обмениваясь ею, мы в каком-то смысле напоминаем друг другу о действительности. Действительности, которая заключается в том, что мы худо-бедно простояли все это время. И для нас это довольно важный ритуал.

В восемь пятнадцать утра он садится на свой «блурд» и вывозит машину с парковки нашего дома. Затем рядом с собой сажает ребенка. Школа сына рас-

полагается по пути в клинику. «Будьте осторожны», – говорю я. «Не беспокойся», – говорит он. Всегда один и тот же сценарий. Но я должна это сказать. «Будьте осторожны». А муж должен ответить. «Не беспокойся». Он вставляет кассету с записью Гайдна или Моцарта в магнитола и, подпевая мелодии, заводит двигатель. А затем они машут мне рукой и уезжают. Они так похоже машут рукой. Голова наклонена под одним и тем же углом, ладонь одинаково раскрыта на меня и чуть покачивается вправо-влево. Словно кто-то тщательно отрепетировал с ними это движение.

Я езжу на собственной машине, старенькой «хонда-сити». Пару лет назад одна приятельница уступила мне ее практически задаром. Бампер помятый, дизайн старый. Местами вылезает ржавчина. Пробег у нее уже около ста пятидесяти тысяч километров. Иногда, раз или два в месяц, двигатель перестает заводиться. Сколько ни поворачивай ключ, никак не заведется. Однако все не так плохо, чтобы ехать в мастерскую. Если повозиться минут десять, двигатель вдруг приятно заурчит и заведется. Я думаю, с этим остается только смириться. У чего угодно и кого угодно раз или два в месяц может ухудшиться состояние, бывает, что все идет наперекосяк. Так мир устроен. Муж называет мою машину «твой ослик». Но что бы там ни говорили, это моя машина.

На своей «сити» я еду в супермаркет. Закончив покупки, прибираюсь и стираю. Готовлю обед. Утром стараюсь двигаться как можно быстрее. Если получится приготовить и ужин, разделяюсь и с ним. В таком случае всю вторую половину дня могу потратить на себя.

Около двенадцати муж приезжает обедать домой.

Он не любит обедать на стороне. Говорит: «Везде забито народом, невкусно, табачный запах пропитывает одежду». Готов даже потратить время на дорогу, чтобы вернуться домой и пообедать. В любом случае, ничего сложного на обед я не готовлю. Если остается что-то от ужина, разогреваю в микроволновке, а если нет, то ограничиваюсь соба³. Поэтому приготовление еды почти не занимает времени. И к тому же гораздо веселее пообедать с мужем, чем есть молча одной.

Раньше, когда клиника только открылась, часто бывало, что никто не записывался на первый номер после обеда, и тогда после обеда мы отправлялись в постель. Секс был прекрасным. Вокруг стояла тишина, мягкий послеполуденный свет наполнял комнату. Мы были гораздо моложе и так счастливы.

Я думаю, что мы и сейчас счастливы. В нашей семье нет ни намека на проблемы. Я люблю своего мужа, доверяю ему. Так мне кажется. Он так же относит-

---

³ Гречневая лапша.

ся ко мне. Но с годами жизнь меняется, и с этим ничего не поделаешь. Сейчас после обеда к нему всегда записаны пациенты. Пообедав, он идет в ванную чистить зубы, быстро садится в машину и возвращается в клинику. Сколько тысяч, сколько десятков тысяч больных зубов ожидает его. Но мы, словно бы убеждая друг друга, говорим, что ни на что не жалуемся.

После того как муж уезжает в клинику, я беру курительник и полотенце и на машине еду в ближайший спортивный клуб. Там плаваю тридцать минут. Довольно энергично плаваю. Не могу сказать, что мне так уж нравится само плавание. Я плаваю просто потому, что не хочу набирать лишний вес. Мне всегда очень нравилась собственная фигура. Честно говоря, мне ни разу не нравилось свое лицо. Думаю, что оно неплохое. Однако мне не нравится. Фигура другое дело. Я люблю стоять обнаженной перед зеркалом. Люблю смотреть на мягкие контуры и сбалансированную жизненную силу своего тела. Я чувствую, что в этом для меня есть что-то важное. А что, я не знаю. Но потерять это не хочу.

Мне будет тридцать. Когда исполняется тридцать, понимаешь, что конец света не наступает только оттого, что тебе исполнилось тридцать. Я не думаю, что стареть – это радостно, однако с возрастом некоторые вещи становятся проще. Это проблема точки

зрения. Однако ясно только одно. Если тридцатилетняя женщина любит свое тело и по-настоящему хочет поддержать его в той форме, в которой оно должно быть, ей нужно приложить немало усилий. Именно это. Меня этому научила моя мама. Моя мама раньше была стройной красивой женщиной. Но, к сожалению, сейчас уже нет. Я не хочу стать такой, как она.

Чем заниматься после плавания, зависит от строения. Могу поехать к станции и поглазеть на витрины. Или вернуться домой, сесть на диван с книжкой, послушать радио, а иногда и вздремнуть. Наконец из школы возвращается ребенок. Я помогаю ему переодеться, готовлю ему полдник. Поев, он уходит. Идет играть с ребятами. Он еще во втором классе, поэтому не ходит на дополнительные занятия или в секции. Муж говорит, что ему нужно дать наиграться. В игре он естественным образом растет. Когда он уходит, я говорю: «Будь осторожен». «Не волнуйся», – отвечает ребенок. Так же, как и мой муж.

С приближением вечера я начинаю готовить ужин. К шести часам ребенок возвращается. И потом смотрит мультфильмы по телевизору. Если у мужа нет дополнительного приема, он возвращается раньше семи. Муж не берет ни капли спиртного в рот и не слишком любит общаться с людьми. Поэтому после окончания работы он, как правило, сразу же едет домой.

Во время еды мы разговариваем все втроем. Рассказываем, как прошел сегодняшней день. Но больше всех говорит сын. Это естественно, все происходящее вокруг обладает для него новизной и полно загадок. Сын рассказывает, а мы с мужем сообщаем ему, что думаем о его рассказах. После еды сын идет один играть. Может, посмотреть телевизор или книжку почитать. Или с мужем поиграет во что-нибудь. Когда у него есть домашнее задание, он идет в комнату и занимается. А в половине девятого идет спать. Я как следует укутываю его одеялом, глажу волосы, желаю спокойной ночи и гашу свет.

У нас с мужем остается время для самих себя. Муж сидит на диване и, просматривая вечернюю газету, переговаривается со мной. Говорит о пациентах, о статьях в газете. И слушает Гайдна или Моцарта. Я не имею ничего против того, чтобы послушать музыку. Однако так и не могу отличить Гайдна от Моцарта. Для моих ушей они звучат почти одинаково. Когда я говорю об этом, муж говорит, что не обязательно их различать.

– Красивое просто красиво, этого вполне достаточно,– говорит он.

– Так же, как красив ты,– говорю я.

– Да, так же, как красив я,– говорит муж.

А потом усмехается. С большим удовольствием.

Вот и вся моя жизнь. Вернее сказать, моя жизнь до того момента, как я перестала спать. Каждый следующий день почти повторял предыдущий. Я вела дневник, однако, если забывала записать дня два или три, потом уже не могла понять, что в какой день было. Если вчера и позавчера поменять местами, ничего удивительного не было бы. Иногда я думаю: что у меня за жизнь? И все равно не чувствую пустоты. Просто удивляюсь. Факт, что вчера не отличить от позавчера. Факт, что я, являясь частью этой жизни, поглощаюсь ею. Факт, что я не успеваю даже осознать оставленные мной следы, как их уже сметает ветер. В такие моменты я смотрю на свое лицо в ванной. Минут пятнадцать внимательно всматриваюсь. В голове пустота, ни о чем не думаю. Просто разглядываю свое лицо как посторонний предмет. И тогда мое лицо постепенно начинает отделяться от меня. Просто существует одновременно со мной. Я осознаю: вот она реальность. Никакого отношения к следам. Вот так я существую одновременно с реальностью, это наиболее важно.

Но сейчас я не могу спать. С тех пор как я перестала спать, я перестала вести дневник.

Глава 4

В десять часов я и муж вместе отправились спать. Я сделала вид, что заснула вместе с ним. Муж заснул сразу же. Погасив свет у изголовья кровати, он заснул буквально за секунду. Как будто переключатель лампочки и его сознание соединены проводом.

Здорово, подумала я. Таких людей редко встретишь. Гораздо больше тех, кто страдает от бессонницы. Мой отец был из их числа. Отец всегда жаловался, что не может крепко спать. Кроме того, что он плохо засыпал, еще и просыпался от незначительного шума или присутствия других людей.

Однако мой муж не такой. Если он заснул, то, что бы ни происходило, спит до утра. Почти сразу же после того, как мы поженились, меня стал занимать вопрос, как его можно разбудить. Несколько раз я проводила эксперименты. Из пипетки капала на лицо воду, щекотала волосинкой под носом. Но он ни за что не просыпался. Если настойчиво его будить, то в конце концов он мог что-нибудь сказать недовольным голосом. Мужу даже сны не снятся. По крайней мере, он никогда не мог вспомнить, какой сон ему снился. Конечно же, с ним никогда не случалось сонного паралича. Он просто крепко спал, как черепаха, зарыв-

шаяся в грязь.

Здорово.

Полежав минут десять, я тихонько вылезла из постели. Затем пошла в гостиную, включила торшер, налила в стакан бренди. Села на диван и, смакуя бренди по глоточку, стала читать книгу. Войдя во вкус, я достала припрятанные на полке печенье и шоколад. Между тем наступило утро. С наступлением утра я закрыла книгу, сварила и выпила кофе. Затем приготовила и съела бутерброд.

Каждый день повторение одного и того же.

Я быстро заканчивала домашние дела и всю первую половину дня читала. С приближением полудня откладывала книгу и готовила обед для мужа. Незадолго до часа муж опять уходил, я садилась в машину и уезжала плавать в бассейн. С тех пор как я перестала спать, в бассейне я интенсивно плавала по часу. Тридцати минут совсем не хватало. Пока я плавала, сосредоточивалась только на том, что я плыву. Ни о чем другом не думала. Я думала только о том, чтобы эффективно заставлять свое тело двигаться, поэтому делала ритмичные вдохи и выдохи. Встречаясь со знакомыми, я почти не разговаривала с ними. Просто здоровалась. Когда меня куда-нибудь звали, говорила: извините, дела, нужно возвращаться домой. Мне не хотелось ни с кем общаться. У меня

не было времени, чтобы тратить его на пустую болтовню. Закончив плавать, я хотела как можно быстрее вернуться домой к чтению. Я из чувства долга ходила в магазин, готовила еду, убирала, играла с ребенком. Из чувства долга занималась сексом с мужем. Если привыкнуть, то это совсем не сложно. Даже наоборот, так еще и легче. Нужно только разорвать связь между головой и телом. Пока мое тело двигается само по себе, моя голова плавает в пустоте. Я занималась домашними делами, не думая ни о чем. Кормила полдником ребенка, вела незначительные беседы с мужем.

С тех пор как я перестала спать, реальность, как я ее себе представляла, оказалась очень простой. Справляться с реальностью, выходит, и правда просто. Это просто реальность. Это просто домашние дела, это просто семья. Так же, как управлять примитивной машиной: если один раз запомнишь правила ее эксплуатации, потом все – не более чем повторение. Жмешь на эту кнопку, дергаешь за тот рычаг. Регулируешь циферблат, закрываешь крышку, выставляешь таймер. Просто повторение.

Конечно, периодически появляются отклонения. Приехала мать мужа, и мы ужинали вместе с ней. В воскресенье вместе с ребенком мы втроем ходили в зоопарк. Ребенка пробрал сильный понос.

Однако ни одно из этих событий не пошатнуло моего существования. Они бесшумно, словно ветер, дули вокруг. Я поддерживала светские разговоры со свекровью, приготовила ужин на четверых, сделала фотографию перед медвежьей клеткой, положила теплую грелку на живот ребенку и дала ему лекарство.

Никто не обращал внимания на изменения во мне. Никто не замечал того, что я совершенно не сплю, что я продолжаю читать книги, что моя голова на сотни лет, на десятки тысяч километров отделилась от реальности. Как бы я ни справлялась с реальными делами – из чувства долга, машинально, без любви, без эмоций, – и муж, и сын, и свекровь общались со мной так же, как и всегда. Даже казалось, что они чувствуют себя со мной комфортнее, чем обычно.

Так прошла неделя.

Когда началась вторая неделя моего непрерывного бодрствования, я все же забеспокоилась. Как ни крути, ситуация ненормальная. Все люди спят, нет людей, которые не спят. Давным-давно я читала о том, что были пытки, когда людям не давали спать. Эти пытки устраивали нацисты. Запирали человека в тесной комнате, заставляли его открывать глаза, чтобы он не мог спать, ослепляли светом, оглушали шумом. Так человек лишался рассудка, а в конце умирал.

Я не могла припомнить, к какому сроку начинается

безумие. Наверное, дня через три или четыре. Но я не сплю уже целую неделю. Как ни крути, слишком долго. Однако я совсем не ослабла. Наоборот, чувствовала себя гораздо бодрее, чем обычно.

Недавно после душа я встала перед зеркалом, где отражалась в полный рост. И удивилась, обнаружив, что все линии моего тела говорят о бурлящей жизненной силе. Я осмотрела себя от шеи до лодыжек и не смогла обнаружить ни одного излишка, ни одной морщины. Конечно, мое тело было не таким, как в юности. Однако кожа приобрела больше глянца и упругости, чем прежде. Я попробовала оттянуть пальцами кожу на животе. Живот был твердым, подтянутым и удивительно упругим.

А еще я заметила, что становлюсь красивее, чем думала. Я очень помолодела. Скажи, что мне двадцать четыре, наверное, никто бы в этом не усомнился. Кожа гладкая, глаза блестящие. Губы влажные, тени на скулах (то, что я сама больше всего не люблю в себе) совершенно не бросаются в глаза. Сев перед зеркалом, я минут тридцать не отрываясь смотрела на себя. С разных углов пыталась придирчиво рассмотреть себя. Мне не показалось. Я правда стала красивее.

Что же со мной происходит?

Я даже думала о том, чтобы пойти к врачу. У ме-

ня есть хорошо знакомый врач, к которому я ходила с детства. Однако, подумав, как врач может отреагировать на мой рассказ, почувствовала тяжесть на душе. Поверит ли он тому, что я расскажу? Если я скажу ему, что совершенно не сплю уже неделю, то, может, он прежде усомнится, в здравом ли я уме. А может, воспримет это как невроз от бессонницы. А может, поверит моему рассказу и отправит меня в какую-нибудь больницу, где меня заставят обследоваться.

И что тогда?

Меня запрут в больнице, будут гонять туда-сюда на различные обследования. Электроэнцефалограммы, кардиограммы, анализы крови, мочи, психологические тесты.

Этого я не выдержу. Я ведь просто хотела спокойно, в одиночестве читать книгу. Каждый день по часу интенсивно плавать. А больше всего мне хотелось свободы. Это то, к чему я стремилась. Не хочу в больницу. А даже если и лечь в больницу, что они поймут? Они проведут уйму обследований, построят уйму гипотез. Я не хотела, чтобы меня заперли в таком месте.

Как-то во второй половине дня я пошла в библиотеку, чтобы почитать про сон. Книг о сне было не так много, и ничего особенного в них не было написано. В конечном итоге они сводились к одному. Сон – это отдых. Вот и все. Точно так же, как выключают двига-

тель автомобиля. Если двигатель будет все время работать без остановки, то рано или поздно сломается. При работе двигателя неизбежно выделяется тепло, накопившееся тепло ведет механизм к разрушению. Поэтому необходимо делать остановку, чтобы освободиться от этого тепла. Для охлаждения. Выключаешь двигатель – то есть засыпаешь. Для людей это и физический, и эмоциональный отдых. Когда человек ложится, он дает отдых своим мышцам и в то же время, закрыв глаза, прекращает процесс мышления. А от оставшихся мыслей он естественным образом избавляется в форме снов.

В одной книге мне встретилась интересная мысль. Автор считает, что человек и в своих мыслях, и в своих действиях не может избежать определенной индивидуальной последовательности. Подсознательно человек строит эту последовательность в своих мыслях и действиях, и, единожды построенная, она больше не исчезнет, если не произойдет ничего особенного. Получается, что человек живет, скованный рамками этой последовательности. И именно сон нейтрализует какие-либо отклонения от последовательности, которые автор называет стоптанным на одну сторону каблуком ботинка. То есть сон регулирует эти отклонения и исправляет их. Во сне человек естественно избавляется от излишнего напряжения мышц, излиш-

не напряженных мыслей, а также разряжается. Таким образом, происходит охлаждение человека. Внутри человеческой системы это безусловное, запрограммированное действие, поэтому никто не может от него отступить. А если кто-то отступит, его существование лишится основ, пишет автор.

Последовательность? – подумала я.

При слове «последовательность» мне в голову приходит домашняя работа. Целый ряд домашних дел, которые я выполняю бездумно и на автомате. Готовка, покупки, стирка, воспитание ребенка – все это и правда не более чем последовательность. Я могу делать все это с закрытыми глазами. Потому что это просто последовательность. Нажми на кнопку, дерни за рычаг. И в этом случае действительность будет утекать прочь. Одинаковые движения тела – это просто последовательность. Таким образом, каблуки моих туфель снашиваются на одну сторону, а для того чтобы это исправить и остудить, необходим каждодневный сон.

Может быть, так?

Я еще раз внимательно прочитала текст. А затем кивнула. Похоже, это оно и есть.

Тогда чем получается моя жизнь? В рамках последовательности я расходую себя, а затем сплю, чтобы это исправить. Моя жизнь – не более чем повторение

этих действий? Я не двигаюсь никуда дальше?

Наклонившись над библиотечным столом, я потрясла головой.

Сон мне не нужен, подумала я. Пусть я даже сойду с ума, пусть даже от отсутствия сна лишусь «основ существования», пусть будет так, решила я. Неважно. В любом случае, я не хочу расходовать себя в рамках последовательности. И если для того, чтобы исправить эту растрату в рамках последовательности, нужно периодически засыпать, этого мне не надо. Я в этом не нуждаюсь. Если мое тело должно расходоваться, то мой дух принадлежит только мне. Его я оставляю себе. Никому не отдам. Не хочу, чтобы что-то во мне исправляли. Я не буду спать.

С этим решением я вышла из библиотеки.

Глава 2

Я отчетливо помню первую ночь, когда я перестала спать. Мне тогда приснился какой-то неприятный сон. Очень темный и какой-то скользкий. Содержания я не помню. Помню ощущение чего-то несчастливого. И в самый разгар этого сна я проснулась. В опасный момент, когда еще чуть-чуть, и я бы погрузилась в него так, что не смогла бы вернуться, я внезапно открыла глаза, будто меня что-то выдернуло из сна. Проснувшись, я некоторое время тяжело дышала. Руки и ноги онемели, и я не могла двинуться. Не шевелясь, я слышала лишь свое слишком громкое дыхание, будто находилась в пещере.

Это был сон, подумала я. Лежа на спине, я ждала, пока восстановится дыхание. Сердце колотилось, быстро перекачивая кровь, легкие работали медленно и сильно, словно меха. Однако со временем их амплитуда стала понемногу уменьшаться, а дыхание – успокаиваться. Сколько сейчас времени? – подумала я. Хотела посмотреть на часы около изголовья кровати, но не смогла повернуть шею. В этот момент мне показалось, что я вдруг что-то заметила у ног. Что-то вроде неясной черной тени. Я затаила дыхание. И сердце, и легкие – на миг все в моем теле останови-

лось, будто заледенело. Я напряженно стала всматриваться в эту тень.

Приглядевшись, я увидела, что тень резко обрисовалась и приняла форму, будто не могла больше ждать. Силуэт стал отчетливым, заполнился содержанием, проявились детали. Это был худой старик в черной хорошо скроенной одежде. У него были короткие седые волосы и впалые щеки. Этот старик неподвижно стоял у моих ног. Старик, ничего не говоря, строго уставился на меня. У него были очень большие глаза, я разглядела даже выступившие в них красные прожилки сосудов. Однако на его лице не было выражения. И он ничего не говорил. Пусто, как в дыре.

Это не сон, решила я. Ведь я уже проснулась. И уже совсем не дремала, проснулась как от удара. Поэтому это не сон. Это РЕАЛЬНОСТЬ. Я попыталась пошевелиться. Либо разбужу мужа, либо включу свет. Приложила все силы, но не смогла и шелохнуться. Честное слово, даже пальцем не смогла пошевелить. Когда стало ясно, что я не могу пошевелиться, меня неожиданно охватил страх. Примитивный страх, как озноб, поднимающийся со дна бездонного колодца воспоминаний. Этот озноб пропитал меня до мозга костей. Я попыталась закричать. Однако не смогла издать и звука. Даже язык меня не слушался. Все, что я могла, — просто неподвижно смотреть на старика.

У старика в руках что-то было. Узкое, длинное и круглое. Поблескивало белым. Я внимательно смотрела на этот предмет. Пока я в него всматривалась, это нечто стало обретать четкую форму. Это был кувшин. Старик, стоявший у меня в ногах, держал кувшин. Старомодный керамический кувшин. Наконец он поднял его кверху и стал лить мне на ноги воду. Однако я не чувствовала даже воды. Просто смотрела, как она льется мне на ноги. И слышала звук. Но мои ноги ничего не чувствовали.

А старик все лил и лил воду мне на ноги. Удивительное дело, сколько бы он ни лил воды, она не заканчивалась в кувшине. Я стала думать, что мои ноги между тем могут подгнить и начнут разлагаться. И неудивительно, ведь если так долго лить воду, что угодно начнет гнить. От мысли, что мои ноги сгниют и разложатся, я больше не могла терпеть.

Зажмурившись, я что было мочи закричала. Однако крик застрял где-то внутри. Мой язык не смог заставить воздух завибрировать. Крик беззвучно длился только внутри моего тела. Этот беззвучный крик облетел все его закоулки и остановил биение сердца. В голове на мгновение побелело. Крик просочился во все мои клетки до последней. Внутри меня что-то умерло, что-то растворилось. Словно вспышка при взрыве, эта дрожь почему-то дотла сожгла многое, что бы-

ло связано с моим существованием.

Когда я открыла глаза, старика уже не было. И кувшина не было. Я посмотрела на свои ноги. На кровати не было воды. Сухое покрывало. Но зато я была мокрая от пота. Даже страшно, сколько пота с меня сошло. Я бы не поверила, что человек может так пропотеть. Однако это был мой пот.

Я пошевелила одним пальцем на руке, затем другим, потом попробовала согнуть руку. Потом пошевелила ногами. Покрутила стопами, согнула колени. Пусть и не так легко, но худо-бедно все шевелилось. После того как я тщательно проверила, что все части моего тела могут шевелиться, я слегка приподнялась. Оглядела как следует комнату, чуть освещенную уличным светом. Старика в комнате не было.

Часы у изголовья кровати показывали половину первого. Я легла, когда не было одиннадцати, значит, не проспала и полутора часов. На соседней кровати крепко спал муж. Он спал крепко, совершенно беззвучно, словно потерял сознание. Если мой муж заснет, проснется, только если произойдет что-то особенное.

Я встала с постели, пошла в ванную, сняла мокрую от пота пижаму, бросила ее в стиральную машину, приняла душ. Вытерлась полотенцем, из комода достала свежую пижаму и надела ее. Затем зажгла

торшер в гостиной, села на диван и выпила стакан бренди. Я почти не пью. В отличие от моего мужа, которому просто организм пить не позволяет, раньше я не отказывалась от того, чтобы выпить, однако с тех пор, как вышла замуж, вдруг перестала пить. Ну, может, глоточек бренди, когда не спится, не больше. Однако этой ночью, чтобы успокоить взвинченные нервы, хотелось выпить целый стакан.

В серванте стояла бутылка «Реми Мартен». Это был единственный алкоголь в нашем доме. Кто-то подарил. Очень уже давно, поэтому я и не помню, кто подарил. Бутылка слегка запылилась. У нас, естественно, нет бокалов для бренди, поэтому я налила в обычный стакан и отпивала медленно, по глотку.

Я еще слегка дрожала, однако страх стал уже постепенно уходить.

Это сонный паралич⁴, подумала я. Я никогда прежде не переживала состояния сонного паралича, но как-то раз от университетской приятельницы слышала историю о том, как она это на себе ощутила. «Все было очень реально, отчетливо и совершенно не похоже на сон, – рассказывала она. – В тот момент я не считала это похожим на сон, да и сейчас не счи-

---

⁴ Сонный паралич (сонный ступор) – состояние, когда паралич мышц наступает до засыпания или после пробуждения. Паралич всего тела обычно сопровождается чувством ужаса и иногда галлюцинациями.

таю». Вероятно, и правда на сон не похоже, подумала я. Однако, как ни крути, это был сон. Своеобразный сон, не похожий на сон.

Страх постепенно проходил, но дрожь в теле никак не унималась. Кожа все еще подрагивала мелкой дрожью, похожей на рябь на воде после землетрясения. Эту мелкую дрожь я отчетливо видела глазом. Все из-за того крика, решила я. Крик, не превратившись в звук, затаился в теле и все еще заставлял его дрожать.

Я закрыла глаза и сделала еще один глоток бренди. Теплая жидкость медленно потекла по горлу вниз в желудок. Это было очень реальное ощущение.

Меня вдруг охватило беспокойство за ребенка. Когда я подумала о ребенке, в груди опять учащенно забилось. Я встала с дивана, быстро вошла в детскую. Сын крепко спал. Одну руку положил под щеку, другую откинул в сторону. По его виду можно было сказать, что он спокойно спит, как и муж. Я поправила сбившееся одеяло. Непонятно, что же так жестоко разрушило мой сон, но, в любом случае, кажется, от этого пострадала только я одна. Ни муж, ни ребенок ничего не почувствовали.

Вернувшись в гостиную, я бесцельно побродила по комнате. Спать совершенно не хотелось.

Я решила выпить еще стакан бренди. На самом

деле, мне хотелось выпить еще. Еще согреться, еще успокоить нервы. Еще раз хотела почувствовать сильный аромат бренди во рту. Но, немного поколебавшись, решила все-таки не пить. Не хотела, чтобы опьянение оставалось на следующий день. Я убрала бренди в сервант, отнесла стакан в раковину и вымыла. Затем вытащила из холодильника на кухне клубнику и съела.

И тут я заметила, что дрожь уже почти унялась.

Что же это было, этот старик в черной одежде? – подумала я. Старик, которого я никогда не видела прежде. И эта черная одежда – какая-то чудная. Как будто облегающий свитер, а приглядишься – какая-то старомодная. Впервые я видела такую одежду. И эти глаза. Немигающие глаза с красными прожилками. И почему он лил воду мне на ноги? Зачем ему это было нужно?

Я совершенно запуталась. На ум не приходило никакого объяснения.

Мою приятельницу сонный паралич охватил, когда она заночевала в доме своего жениха. Во сне к ней пришел мужчина лет пятидесяти с загадочным лицом, который сказал, чтобы она убиралась из этого дома. Все это время она не могла и шевельнуться. И, так же как и я, вымокла до нитки от пота. Судя по всему, этот человек был духом покойного отца жениха. В тот

момент она решила, будто его отец говорит, чтобы она уходила отсюда. Но когда на следующий день жених показал фотографию отца, он оказался совершенно не похож на человека, которого она видела ночью.

«Наверное, я была чрезмерно напряжена,— сказала она.— Поэтому со мной и случился паралич».

Однако я не была как-то особо напряжена. И к тому же это мой дом. Здесь нет ничего, что пугало бы меня. Почему сейчас и здесь со мной должен был случиться сонный паралич?

Я помотала головой. Все, хватит думать. Бесполезно. Просто это был реалистичный сон. Наверное, во мне неосознанно скопилась усталость. Может, из-за позавчерашнего тенниса. После плавания друзья, с которыми я встретилась в клубе, пригласили поиграть — наверное, слишком долго получилось. Некоторое время после игры руки и ноги были ватными.

Поев клубники, я прилегла на диван. На всякий случай немного прикрыла глаза.

Совершенно не хочется спать.

Я поохала про себя. Ну правда, совсем не хочется спать.

Решила почитать книгу, пока сон не начнет одолевать. Вернувшись в спальню, выбрала роман на полке. Искала книгу, включив свет, а муж даже не шелохнулся. Я выбрала «Анну Каренину». Мне хотелось

почитать какой-нибудь длинный русский роман. Когда-то давно я уже читала «Анну Каренину». Наверное, в старших классах. Однако почти не помнила содержания. Помнила только первую строчку и финал, где героиня кончает с собой на железной дороге. «Все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастна по-своему» – так начиналась книга. Кажется, что так. А после этого была сцена на скачках? Или это из какого-то другого романа?

Я вернулась на диван и открыла книгу. Сколько же лет я уже не сидела так спокойно и не читала книгу? Конечно, во второй половине дня я, бывает, читаю минут тридцать или час. Однако в буквальном смысле это и чтением не назовешь. Читаешь книгу, а мысли сразу же перескакивают на что-то другое. Думаешь о ребенке, о покупках, о том, что холодильник стал барахлить, о том, что надеть на свадьбу родственника, о том, что месяц назад отцу прооперировали желудок. Эти мысли появляются в голове неожиданно, а потом одна за другой начинают развиваться в разные стороны. Смотришь, время прошло, а вперед не продвинулась и на полстраницы.

Так я постепенно привыкла к жизни без чтения. Когда думаешь об этом, остается только удивляться. Ведь с детства книги для меня были основой всей

жизни. С начальной школы я запоем читала книги в библиотеке и все карманные деньги тратила на книги. Экономила на еде, и на эти деньги покупала книги, которые хотела прочитать. В средней и старшей школе никто не читал столько, сколько я. Я была средним ребенком из пятерых, родители работали, были заняты, дома никто особенно не занимался мной. Поэтому я могла в одиночестве читать только свои любимые книжки. Я обязательно участвовала во всех читательских конкурсах. Хотела получить призовые ваучеры на книги и почти всегда выигрывала. В университете я училась на отделении английской литературы. И там у меня были хорошие оценки. Мой диплом о Кэтрин Мэнсфилд получил высший балл. Руководитель предлагал остаться в аспирантуре. Однако тогда я хотела работать. Ведь у меня не научный склад ума, тогда я и сама это хорошо понимала. Я просто любила читать. А даже если бы я и хотела остаться в университете, у моей семьи не было лишних денег, чтобы я училась в аспирантуре. Мы не были бедными, но у меня еще две младшие сестры. Поэтому, окончив университет, я ушла из дома и стала жить самостоятельно. В буквальном смысле, я должна была выжить только своими силами.

Когда же я последний раз по-настоящему читала книгу? И что я тогда читала? Сколько я ни пыталась,

никак не могла вспомнить даже названия этой книги. Почему человеческая жизнь может так кардинально измениться, подумала я. Куда девалась та я, которая как одержимая читала книги? Чем для меня были то время и почти патологическая страсть к чтению?

Однако той ночью я смогла сосредоточиться на чтении «Анны Карениной». Ни о чем больше не думая, захлеб глотала страницу за страницей. На одном дыхании дошла до сцены, где на вокзале встречаются Анна Каренина и Вронский, заложила страницу закладкой и опять достала бренди. Налила в стакан и выпила.

Когда я читала книгу в первый раз, совершенно не обратила внимания, какой удивительный это роман. Ведь главная героиня романа – Анна Каренина – не появляется до 116-й страницы. Для читателей той эпохи в этом не было, наверное, ничего неестественного? Некоторое время эта мысль крутилась у меня в голове. Они терпеливо сносили бесконечное описание жизни такого незначительного героя, как Облонский, ожидая, что вот-вот на сцене появится прекрасная героиня. Наверное, именно так. Видимо, у людей того времени было много свободного времени. По крайней мере, у тех, кто читал романы.

Вдруг я заметила, что стрелка часов показывает уже на тройку. Три часа? Но мне совершенно не хоте-

лось спать.

«Ну, что будем делать?» – подумала я.

Мне совершенно не спится. Я могу так и дальше читать. Очень хочется прочесть продолжение. Но я ведь должна спать.

Вдруг я вспомнила время, когда страдала от бессонницы. О том, как жила день за днем, окутанная мутными облаками. Больше такого не будет. В то время я была еще студенткой. Потому могла себе это позволить. Но сейчас уже все по-другому. Я жена, я мать. На мне лежит ответственность. Я должна приготовить обед мужу и заботиться о ребенке.

Однако если сейчас я лягу в кровать, то все равно не смогу заснуть. Я это понимала. Покачала головой.

Что тут поделаешь, спать-то совсем не хочется, но очень хочется почитать книгу дальше. Я вздохнула и посмотрела на книгу, лежавшую на столе.

В конце концов я до утра запоем читала «Анну Каренину». Анна и Вронский встретились на балу, и началась их роковая любовь. На скачках (все-таки были скачки) Анна, увидев упавшую лошадь Вронского, охвачена паникой и рассказывает мужу о своей неверности. Я вместе с Вронским на лошади преодолела препятствие, услышала восхищенные возгласы толпы. А затем с места на трибуне увидела, как лошадь Вронского упала. Когда за окном стало светло,

я отложила книгу, сварила на кухне кофе и выпила. Я не могла ни о чем думать, кроме сцен романа, крутившихся перед глазами, и неожиданно одолевшего меня острого чувства голода. Мое сознание и тело где-то разошлись в разные стороны, так и застыли. Я отрезала кусок хлеба, намазала его маслом и горчицей, сверху положила сыр. И, стоя у раковины, съела бутерброд. Очень редко у меня бывает такой острый голод. А на этот раз от голода мне было даже трудно дышать. Я съела еще один бутерброд. Потом выпила еще одну чашку кофе.

Глава 3

Я не стала рассказывать мужу о том, что у меня был сонный паралич, и о том, что я до утра не сомкнула глаз. Я не собиралась от него ничего скрывать. Просто подумала, что нет никакой необходимости об этом говорить. Скажи я ему, ничего бы не изменилось, и к тому же не такая уж большая проблема – то, что я не спала одну ночь. С кем угодно такое бывает.

Как обычно, я приготовила кофе для мужа, напоила ребенка горячим молоком. Муж съел тост, ребенок – кукурузные хлопья. Муж пробежал глазами по страницам газеты, ребенок тихонько пропел песенку, которую выучил на днях. А затем они вдвоем сели в «блужд» и уехали. «Будьте осторожны», – сказала я. «Не волнуйся», – сказал муж. Оба помахали мне рукой. Как всегда.

После того как они уехали, я присела на диван и стала думать, что мне делать дальше. Должна ли я что-то сделать? Нужно ли мне что-то делать? Я пошла на кухню, открыла дверцу холодильника, проверила содержимое. И решила, что сегодня можно обойтись и без похода в магазин. Хлеб есть. Молоко есть. Яйца есть. Мясо в морозилке. Овощи есть. Полный набор продуктов до завтрашнего обеда.

Мне нужно было сходить по делам в банк, однако ничего настолько срочного, чтобы обязательно заниматься этим сегодня. Никакой беды не случится, если я отложу дела до завтра.

Я уселась на диван и стала читать дальше «Анну Каренину». Перечитывая по второму разу, я поняла, что содержания «Анны Карениной» совершенно не помнила. По большей части не помнила ни героев, ни ситуаций. У меня было даже чувство, что я читаю другую книгу. Удивительно, подумала я. Когда я читала первый раз, книга, должно быть, произвела на меня впечатление, однако в результате в голове ничего не осталось. Как-то незаметно все воспоминания о волнениях и взлетах чувств, которые должны были быть, начисто стерлись.

Чем же было то огромное количество времени, которое я потратила на чтение этой книги?

Я отложила книгу и некоторое время думала об этом. Однако понять этого не смогла, к тому же перестала понимать, о чем, собственно говоря, думаю. Очнувшись, заметила, что рассеянно смотрю на деревья за окном. Я потрясла головой и продолжила чтение.

Где-то сразу же после середины первой части между страниц попал кусочек шоколада. Шоколад засох, раскрошился и налип на страницу. Вероятно, я ела шоколад, когда школьницей читала эту книгу, подума-

ла я. Я очень любила есть за чтением. К слову сказать, после того как я вышла замуж, почти не ем шоколада. Потому что муж ненавидит сладости. И ребенку мы почти не даем. Дома у нас не водится ничего сладкого.

Пока я рассматривала побелевшие за более чем десять лет шоколадные крошки, мне ужасно захотелось шоколада. Мне хотелось читать «Анну Каренину», как и тогда, поедая шоколадку. Я чувствовала, как все клеточки моего тела сжимаются от желания заполучить шоколад.

Я набросила кофту, спустилась вниз на лифте. Дошла до соседней кондитерской и купила две плитки молочного шоколада, очень сладкого на вид. Выйдя из магазина, я разорвала обертку и стала кусать шоколад на ходу. Вкус молочного шоколада разлился во рту. Я отчетливо почувствовала, как откровенный шоколадный вкус пропитывает мое тело до самых далеких его уголков. Войдя в лифт, я снова откусила от плитки. Шоколадный запах распространился на весь лифт.

Усевшись на диван и поедая шоколад, я продолжила чтение «Анны Карениной». Совсем не хотелось спать. Усталости не чувствовалось. Я могла бы читать книгу до бесконечности. Доев шоколадку, я разорвала обертку второй и съела половину плитки. Прочитав

две трети первой части, я посмотрела на часы. 11 часов 40 минут.

11 часов 40 минут?

Скоро вернется муж. Я поспешно захлопнула книгу и отправилась на кухню. Налила воды в кастрюлю, зажгла газ. Затем нарезала лук, приготовила все, чтобы варить соба. Замочила водоросли, залила овощи маринадом. Из холодильника достала тофу⁵, приготовила хияякко⁶. Затем пошла в ванную, почистила зубы, чтобы избавиться от привкуса шоколада.

Почти одновременно с тем, как закипела вода, вернулся муж. Сказал, что закончил работу раньше, чем предполагал.

Мы ели соба. За обедом муж рассказывал о новом стоматологическом приборе, который подумывает приобрести. Прибор, который позволяет гораздо аккуратнее, чем прежде, снимать зубной налет. И время на процедуру экономит. Муж сказал, что цена довольно высокая, но он окупит себя. Потому что в последнее время много пациентов приходит, только чтобы удалить зубной налет. А как ты считаешь? – спросил муж. Я не хотела думать ни о каком зубном налете. Не хотела слышать об этом во время еды и вдумываться в этот вопрос тоже не хотела. Я размышляла

---

⁵ Соевый творог.

⁶ Закуска на основе тофу.

о скачках с препятствиями. А думать о зубном налете не хотела. А муж был серьезен. Я спросила, сколько стоит этот аппарат, и сделала вид, что думаю об этом. Если необходимо, то почему бы и не купить, предположила я. А что касается денег, то как-нибудь утрясется. Ведь эти деньги не на развлечение тратим.

Верно, сказал муж. Не на развлечение, повторил он мои слова. И замолчал, продолжив есть соба.

На ветвях большого дерева за окном щебетала пара птиц. Мой взгляд случайно упал на них. Спать не хотелось. Я совсем не хотела спать. Интересно почему?

Пока я мыла посуду, муж читал газету, сидя в кресле. Рядом с ним лежала «Анна Каренина», однако на книгу он совсем не обратил внимания. Мужу совершенно не интересно, читаю я или нет.

Когда я закончила с посудой, муж сказал, что у него для меня хорошая новость. Как ты думаешь, какая? Я сказала, что не знаю.

Пациент, записанный сразу после обеда, отменил прием. Поэтому до половины второго я свободен, сказал муж и улыбнулся.

Я немного подумала об этом, но ума не могла приложить, что в этой новости хорошего.

То, что это приглашение к сексу, я поняла, только когда он встал и позвал меня в постель. Однако у ме-

ня совершенно не было настроения. Я не могла понять, зачем я должна это делать. Я хотела побыстрее вернуться к книге. Прилечь в одиночестве на диване и читать.

«Анну Каренину», закусывая шоколадкой. Пока я мыла посуду, думала о Вронском. Как Толстому удается так умело вертеть своими героями. У Толстого изумительно реалистичное описание. И именно поэтому им не удается обрести спасение. И это спасение, а именно...

Я чуть прикрыла глаза и надавила пальцами на виски. Сказала, что сегодня с утра мучаюсь головной болью. Извини, прости меня. У меня бывали сильные головные боли время от времени, поэтому муж легко принял это объяснение. Тебе надо не перетруждаться, а прилечь и отдохнуть, сказал он. Все не так плохо, сказала я. До начала второго он сидел на диване и, слушая музыку, читал газету. А затем опять заговорил о медицинском оборудовании. Даже если и покупаешь новое оборудование, платя высокие налоги, через дватри года оно уже устаревает. Только и остается, что все время менять его на новое, помогая наживаться компаниям по производству оборудования. Я время от времени поддакивала его рассказу, однако почти ничего не слышала.

После того как муж вернулся на работу во второй

половине дня, я сложила газету, взбила подушку и убрала ее на место. Затем облокотилась о подоконник и осмотрела комнату. Что-то я ничего не понимаю. Почему я не хочу спать? Раньше мне не раз приходилось работать по ночам. Однако ни разу я не бодрствовала так долго. Я должна была бы уже давно заснуть, а даже если еще и не заснула, то уже клевала бы носом. Однако мне совершенно не хотелось спать, и голова оставалась ясной.

Я пошла на кухню, подогрела и выпила кофе. Затем подумала, что делать дальше. Конечно, я хотела читать дальше «Анну Каренину». Но в то же время я хотела, как обычно, пойти поплавать в бассейне. Я долго колебалась, но в конце концов все-таки решила пойти в бассейн. Мне это толком не объяснить, но я чувствовала, что благодаря активным движениям я изгоняю что-то из себя. Изгоняю. Но что, собственно говоря, я изгоняю? Я думала об этом. Что я изгоняю?

Не знаю.

Однако это нечто дрейфует в моем теле как потенциальная опасность. Я хотела бы дать имя этому чему-то, однако ничего подходящего на ум не приходило. Мне сложно бывает подобрать слова. Наверное, Толстой смог бы найти точное определение.

В результате я, как обычно, положила в рюкзак купальник, села в свою «сити» и поехала в спортивный

клуб. В бассейне не было ни одного знакомого. Плавали только молодой человек и женщина средних лет. Дежурный со скукой смотрел на воду.

Я переоделась в купальник, надела очки для плавания и, как обычно, проплавала тридцать минут. Однако тридцати минут оказалось мало. Я поплавала еще пятнадцать минут. А затем изо всех сил проплыла кролем туда и обратно. Дыхание прерывалось, однако я чувствовала, что во мне еще бурлят силы. Когда я вылезла из бассейна, окружающие косо смотрели на меня.

До трех часов оставалось еще немного времени, поэтому я на машине съездила в банк и разобралась там со своими делами. Хотела съездить за покупками в супермаркет, однако передумала и вернулась домой. А потом опять читала «Анну Каренину». Доела остатки шоколадки. Когда в четыре часа вернулся сын, я напоила его соком и дала домашнего фруктового желе. Затем принялась готовить ужин. Вытащила мясо из морозилки, разморозила, нарезала овощи, подготовила все для их жарки. Сварила суп-мисо, сварила рис. Я делала свою работу быстро и автоматически.

А затем опять читала «Анну Каренину». Спать не хотелось.

Глава 5

Так я перестала бояться того, что не сплю. Мне нечего бояться. Нужно видеть в этом больше перспектив. Так я расширяю собственную жизнь, подумала я. Время с десяти вечера до шести утра принадлежит только мне. Это время, треть суток, я раньше тратила на действие, именуемое сном, на то, что называют «поправкой для охлаждения». А теперь оно стало принадлежать мне. Не кому-то другому. Только мне. Я могу использовать это время так, как мне нравится. Не мешая никому и не выполняя ничьих требований. Именно так это расширяет мою жизнь. Я расширяю собственную жизнь на треть.

Возможно, вы скажете, что с точки зрения биологии это ненормально. Может, так оно и есть. Сейчас это ненормальное состояние, я беру займы, а потом мне придется что-то вернуть. Эту часть расширенной жизни, которую я получила авансом, возможно, потом придется вернуть. Эта гипотеза не имела никаких доказательств, но не было и доказательств, которые бы ее опровергали; я чувствовала, что в ней есть разумное зерно. В конце концов, в том, чтобы занимать и отдавать время, есть логика.

Однако, по правде сказать, мне до этого не было

никакого дела. Если по какому-то стечению обстоятельств я должна была бы раньше умереть, мне это было абсолютно безразлично. Если, согласно гипотезе, я могла шагнуть тем путем, который мне нравился, этого было достаточно. По крайней мере, сейчас я расширяю свою жизнь. А это прекрасно. Я вижу эффект. Я реально ощущаю, что живу. Я не растрачиваюсь. По крайней мере, здесь существует та часть меня, которая не растрачивается. Именно поэтому я могу реально ощутить, что живу. Жизнь без ощущения жизни, сколько бы она ни длилась, не имеет никакого смысла. Сейчас я это четко осознаю.

Убедившись в том, что муж заснул, я сажусь на диван в гостиной и в одиночестве, попивая бренди, открываю книгу. За первую неделю я прочитала «Анну Каренину» три раза подряд. И с каждым следующим разом совершала новые открытия. Этот огромный роман полон всевозможных открытий и разнообразных загадок.словно в китайской шкатулке, в большом мире открывался малый мир, в этом малом мире – мир еще меньше. И комплекс этих миров формировал единый космос. Этот космос оставался там, ожидая, пока его откроет читатель. Прежде я не понимала и малой толики этого. Но теперь я смогла ясно разглядеть и понять. Что хотел здесь сказать писатель Толстой, что хотел передать читателям, как были си-

стематизированы и кристаллизованы эти сообщения в форме романа и что в этом романе в результате превзошло самого автора. Все это я смогла разглядеть.

Как бы ни концентрировала внимание, я не уставала. Когда начиталась «Анны Карениной», я стала читать Достоевского. Я могла читать сколько угодно. Как ни концентрировала внимание, я не ощущала усталости. Какие бы сложные ни попадались места, я без труда понимала их. И это производило на меня глубокое впечатление.

Мне пришло в голову, что это и есть мое настоящее «я». Благодаря тому, что я избавилась от сна, я смогла расширить собственные границы. Главное – это внимание, думала я. Жизнь без внимания – это то же самое, что открыть глаза, но ничего не видеть.

Мой бренди наконец закончился. Я выпила почти целую бутылку. В магазине купила еще одну бутылку «Реми Мартен». А затем еще бутылку красного вина. И первоклассный хрустальный бокал для бренди. И шоколад, и печенье.

Иногда за чтением книги я чувствовала, как теряю покой. В такие моменты я откладывала книгу и двигалась. Делала легкую гимнастику или просто ходила по комнате. Когда было настроение, я даже выезжала на ночную прогулку. Переодевалась, выезжала с парковки на «сити» и бесцельно наворачивала круги по окру-

ге. Иногда заходила в сетевой ресторан, работавший круглосуточно, чтобы выпить кофе, но, поскольку мне не хотелось видеть людей, их лица, то в основном я сидела в машине. Иногда останавливалась в месте, которое не казалось мне сомнительным, и просто думала. Даже ездила в порт и смотрела на корабли.

Один раз ко мне подошел полицейский и задал несколько вопросов. Была половина третьего ночи, я остановила машину под фонарем недалеко от причала и, смотря на корабли, слушала радио. Полицейский постучал в окно. Я опустила стекло. Совсем молоденький. Симпатичный и вежливый. Я сказала ему, что мне не спится. Он попросил предъявить водительские права, я показала. Некоторое время он их изучал. В прошлом месяце здесь произошло убийство, сказал полицейский. На парочку напали трое молодцов, мужчину убили, а женщину изнасиловали. Даже я что-то слышала об этом случае. Я кивнула. Поэтому, если у вас нет никаких дел, лучше не останавливаться здесь по ночам, в такой-то час, сказал он. Спасибо, я поеду, сказала я. Он вернул мне права. Я тронулась с места.

Но это был единственный раз, когда со мной кто-то заговорил. Никто мне не мешал, поэтому я болталась час или два по ночным улицам. Затем ставила машину на парковку нашего дома. Рядом с белым «блуждущим»

дом» моего мужа, тихо спящим в темноте. Прислушивалась к звукам остывающего двигателя. Когда звуки стихли, я вылезала из машины и поднималась в квартиру.

Вернувшись домой, я прежде всего заглядывала в спальню, проверяла, что муж крепко спит. Муж спал всегда, без исключения. Затем я заходила в детскую. Ребенок спал так же крепко. Они ничего не знали. Они верили, что мир продолжает крутиться так же, как и прежде, без изменений. Но это не так. Мир постепенно меняется в том месте, о котором они не знают. Меняется необратимо.

Как-то ночью я внимательно рассмотрела лицо спящего мужа. Услышав, что в спальне что-то грохнуло, я поспешила туда. Оказалось, что на пол упал будильник. Наверное, муж во сне шевельнул рукой и смахнул его. Но, несмотря на это, продолжал крепко спать, словно ничего не произошло. Эх, что же должно произойти, чтобы этот человек проснулся?

Я подобрала часы и поставила их возле изголовья. Затем, скрестив руки, внимательно посмотрела на его лицо. Как давно я не всматривалась в лицо спящего мужа. Интересно, сколько лет уже?

Когда мы только поженились, я частенько смотрела на него, когда он спал. От одного его вида на душе становилось мирно и спокойно. Раз этот человек

спит так безмятежно, я под его защитой. Так я думала тогда. Поэтому раньше часто смотрела на него, пока он спал.

Но с какого-то момента я перестала это делать. Когда же? Я порылась в памяти. Наверное, с того момента, как поругалась со свекровью по поводу имени ребенка. Свекровь напоминала мне религиозного фанатика, когда «одарила» нас своим вариантом имени. Я и не помню, какое это было имя, но у меня не было ни малейшего желания принимать его. По этой причине между нами разгорелась довольно сильная ссора. Но муж ничего не смог на это сказать. Просто стоял рядом и смотрел на нас.

В тот момент я потеряла чувство того, что муж защищает меня. Именно так, мой муж меня не защитил. Я очень разозлилась на него за это. Конечно, история давнишняя, да и со свекровью мы помирились. Имя сыну придумала я. И с мужем отношения сразу восстановились.

Но, вероятно, именно с того момента я перестала смотреть на его лицо во сне.

Стоя рядом, я просто смотрела на него. Муж, по своему обыкновению, спал крепко. Сбоку из-под одеяла под странным углом вылезала голая нога. Под таким углом, будто это нога другого человека. Такая огромная и грубая. Большой рот приоткрыт, нижняя

губа отвисла, время от времени крылья носа вздрагивают, будто он о чем-то вспоминает. Родинка под глазом такая большая и противная, выглядит вульгарно. В закрытых глазах не было ничего характерного. Веки повисли, казалось, что они прикрывают выцветшую плоть. Я подумала: спит как идиот. Спит без задних ног. Почему у него такая неприглядная внешность во сне? Как ни смотри, чересчур неприглядная. Когда мы поженились, у него было более волевое лицо. Спал он так же крепко, но не выглядел так неопрятно.

Я попыталась вспомнить, как раньше выглядел муж во сне. Но, как бы ни силилась, вспомнить не смогла. Не могла вспомнить ничего, кроме того, что он не выглядел так ужасно. А может, это все мое воображение. Может, он и тогда спал с таким же выражением, как и сейчас. Просто сейчас я сгустила краски. Так бы наверняка сказала моя мама. Ее любимая тема. Ты, моя милая, года два-три после свадьбы была сама не своя до мужа – ее обычная пластинка. И во сне-то он такой миленький – все от твоей влюбленности. Она бы обязательно это сказала.

Однако я понимала, что это не так. Без сомнения, муж стал некрасивым. С лица сошла подтянутость. Наверное, он стареет. Муж стареет, устает. Стирается. А дальше, без сомнения, он станет еще более некрасивым. И мне придется это терпеть.

Я вздохнула. Сделала очень глубокий вздох, но муж, как можно догадаться, не шевельнулся. От какого-то вздоха он не проснется.

Я вышла из спальни и вернулась в гостиную. Выпила еще бренди и взялась за книгу. Однако что-то не давало мне покоя. Я отложила книгу и зашла в детскую. Затем открыла дверь и при свете лампы в коридоре внимательно посмотрела на лицо сына. Сын спал крепко, как и муж. Все как всегда. Некоторое время я вглядывалась в лицо спящего сына. У ребенка было очень гладкое лицо. Естественно, оно довольно сильно отличалось от лица мужа. Он же еще ребенок. На коже глянец, ни тени грубости.

Однако что-то вызывало неприязнь. Я впервые это почувствовала по отношению к ребенку. Что же в моем сыне вызывает неприязнь? Продолжая там стоять, я сложила руки на груди. Конечно, я люблю своего сына. Очень люблю. Но что-то, несомненно, раздражает меня.

Я покачала головой.

На несколько секунд закрыла глаза. А затем вновь открыла и посмотрела на лицо спящего сына. Я поняла, что меня раздражает. Лицо сына как две капли похоже на лицо его спящего отца. И один в один на лицо свекрови. У членов семьи мужа была ненавистная мне привычка хвастаться тем, какая крепкая у них

порода. Наверное, муж хорошо относится ко мне. Он добрый и внимательный. Все мои друзья в один голос твердят, что таких хороших людей просто не бывает. Я тоже думаю, что мне не к чему придраться. Однако именно это «не к чему придраться» порой меня раздражает. В этом «не к чему придраться» есть что-то несгибаемое, не допускающее ни в чем силы воображения. Это действовало мне на нервы.

А сейчас мой сын спит с таким же выражением лица.

Я еще раз покачала головой. Все-таки он другой человек, подумала я. Когда этот малыш подрастет, вряд ли поймет мои чувства. Так же, как сейчас мой муж почти не понимает их.

Нет никаких сомнений в том, что я люблю своего сына. Однако я предчувствовала, что в будущем, скорее всего, не смогу любить этого ребенка так же сильно, как сейчас. Не подобающая матери мысль. Наверное, остальные матери в мире так не думают. Однако я знаю. Когда-то я стану смотреть на него с презрением. Так я думала. Так я думала, наблюдая за лицом спящего ребенка.

От этих мыслей мне стало грустно. Я закрыла дверь в детской, выключила свет в коридоре. А затем уселась на диван в гостиной и открыла книгу. Прочитав несколько страниц, закрыла книгу. Посмотрела на

часы. Почти три.

Сколько же дней прошло с тех пор, как я перестала спать. Первый раз я не смогла заснуть во вторник две недели назад. Выходит, что сегодня семнадцатый день. Все эти семнадцать дней я не сомкнула глаз. Семнадцать дней, семнадцать ночей. Это очень длительный период. Сейчас мне уже толком и не вспомнить, что такое сон.

Я попробовала закрыть глаза. Попробовала вызвать ощущение сна. Однако существовала лишь тьма бодрствования. Тьма, в которой ты бодрствуешь, напоминает смерть.

Наверное, я умру, подумала я.

Если я вот так и умру, чем окажется в результате моя жизнь?

Конечно, я не могла понять, чем была моя жизнь. Я подумала: а что такое смерть?

Раньше я воспринимала сон как прообраз смерти. То есть я предполагала, что смерть является продолжением линии сна. Мол, смерть – это сон, но гораздо глубже обычного, лишенный сознания, вечный покой, затмение. Так я думала.

Однако вдруг мне пришло в голову, что, может быть, это не так. Может, смерть и сон – это состояния, коренным образом отличные по своей природе. А может, это бесконечно глубокая тьма бодрствования, ко-

торию я вижу сейчас. Может, смерть – это вот такое вечное бодрствование во тьме.

Это было бы просто ужасно, подумала я. Если состояние смерти не является отдыхом, то какое есть спасение в нашей несовершенной жизни, полной усталости? Хотя в конечном счете никто не знает, что такое смерть. Кто на самом деле видел смерть? Никто. Тот, кто видел ее, умер. Среди живых никто не знает, что такое смерть. Можно только предполагать. Каким бы ни было это предположение, оно предположением и останется. То, что смерть должна быть отдыхом, также не имеет веских доказательств. Не докажешь, пока не умрешь. Смерть может оказаться чем угодно.

От этих мыслей меня вдруг охватил панический страх. Я почувствовала, что мышцы спины напряглись и затвердели. Вновь закрыла глаза. Я не могла больше их открыть. Взгляд застилала глубокая тьма. В этой тьме, глубокой как сам космос, не было спасения. Я была совсем одна. Мое сознание сконцентрировалось и расширилось. У меня было чувство, что стоит мне захотеть, как я смогу разглядеть этот космос до самой глубины. Однако я решила не смотреть. Еще слишком рано.

Если смерть такова, что мне тогда делать? Что, если, умерев, я буду вечно бодрствовать и вот так смот-

реть на тьму?

Наконец я открыла глаза и залпом допила остатки бренди в стакане.

Глава 6

Сняв пижаму, я надела синие джинсы, поверх футболки накинула ветровку. Затем собрала волосы на затылке, спрятала их под ветровку и надела бейсболку мужа. В отражении зеркала я была похожа на мальчика. Так и надо. Затем я вставила ноги в спортивные туфли и спустилась в подземную парковку.

Сев в «сити», повернула ключ и завела двигатель. Прислушалась к его звуку. Такой же звук, как и всегда. Положив обе руки на руль, я сделала несколько глубоких вдохов. Переключила рычаг передач и выехала из здания. Мне казалось, что ход у машины легче, чем обычно. Словно скользит по льду, подумала я.

Несмотря на то что уже перевалило за три часа, на улицах было немало машин. Здоровенные фуры дальнобойщиков, раскачивая дорогу, двигались с запада на восток. Дальнобойщики не спали. Для того чтобы повысить эффективность перевозок, они спят днем, а ночью работают.

А ведь я бы смогла работать и днем и ночью, подумала я. Потому что не нуждаюсь во сне.

Возможно, с точки зрения биологии это неестественно. Но кто и что, собственно говоря, знает о природе? Что биологически естественно – это лишь

теория, основанная на опыте, не более того. А я стою в точке, которая выше этой теории. Может, стоит представить, что я являюсь трансцендентальным образцом эволюционного скачка человеческого вида? Неспящая женщина. Расширение сознания.

Я улыбнулась.

Трансцендентальный образец эволюции.

Слушая музыку по радио, я направляла машину к порту. Я хотела послушать классическую музыку, но не нашла станции, которая бы передавала классику поздно ночью. Какую радиостанцию ни возьми, везде крутили глупую японскую попсу. Слащавые песенки про любовь, которые вязли на зубах. Что поделаешь, приходилось слушать их. Они внушали мне ощущение, что я уехала куда-то очень далеко. Далеко-далеко от Моцарта и Гайдна.

Я остановила машину на большой парковке, отделенной белой линией от парка. Выбрала открытое и самое светлое место под фонарем. На парковке стояла всего одна машина. Такая, на которых любит кататься молодежь. Белое двухдверное купе. Старая. Наверное, там парочка. Возможно, денег на гостиницу нет, поэтому они тискаются в машине. Чтобы избежать хлопот, я поглубже надвинула бейсболку, так не догадаешься, что я женщина. А потом удостоверилась, что двери закрыты.

Рассеянно рассматривая окружающую меня картину, я вдруг вспомнила, как на первом курсе института со своим приятелем поехала покататься на машине, мы занимались тогда петтингом. Ему приспичило по пути, он сказал, что хочет вставить. А я отказалась. Положив обе руки на руль, слушая музыку, я попыталась вспомнить ту историю. Но не смогла вспомнить его лица. Мне показалось, что все это произошло в какие-то стародавние времена.

Я чувствовала, что с тех пор, как перестала спать, мои воспоминания, набирая скорость, уносятся прочь.

Это очень странное чувство. Кажется, что ты сама в то время, когда засыпаешь с наступлением ночи, не являешься настоящей собой и воспоминания того времени не являются твоими настоящими воспоминаниями. Я подумала, что вот так меняются люди. Но никто не понимает этих перемен. Никто не обращает на них внимания. Никто, кроме меня. А попробуй им это объяснить, они, наверное, не поймут. Наверное, и не поверят. А даже если и поверят, то ни за что не поймут, что именно чувствую я. Наверное, для них я буду всего лишь угрозой их логическому миру.

Однако я на самом деле меняюсь.

Я не знаю, сколько я так сидела. Я закрыла глаза, положив обе руки на руль. И смотрела на бессонную

темноту.

Вдруг я очнулась, почувствовав человеческое присутствие. Здесь кто-то есть. Открыв глаза, я оглянулась по сторонам. Кто-то стоит рядом с машиной. Кто-то пытается открыть дверь. Конечно же, двери заблокированы. Но темные тени видны с обеих сторон машины. Со стороны правой и левой двери. Лиц не видно. Одежды не разглядеть. Там стоят черные тени.

Я почувствовала себя очень маленькой, зажатой с двух сторон в своей «сити». словно маленькая коробочка с тортом. Я почувствовала, как машину качает из стороны в сторону. По правому стеклу колошматят руками. Я понимала, что это не полицейские. Полицейские так не стучат. И не раскачивают машины. У меня перехватило дыхание. Что мне делать? В голове все перепуталось. Я почувствовала, как под мышками выступил пот. Нужно трогаться. Ключ, повернуть ключ. Я протянула руку, схватила ключ, повернула направо. Услышала звук стартера.

Однако двигатель не заводился.

Пальцы дрожали. Я закрыла глаза и еще раз медленно повернула ключ. Но ничего. Только услышала глухой звук, словно кто-то скрежещет об огромную стену. Крутится на одном месте. Крутится на одном месте. А эти тени продолжают раскачивать мою машину. Они раскачивают ее все сильнее. Наверное,

они решили перевернуть ее.

Здесь какая-то ошибка, подумала я. Если успокоиться и подумать, то все будет хорошо. Думать. Успокоиться и спокойно подумать. Здесь какая-то ошибка.

Здесь какая-то ошибка.

Но я не знаю, какая ошибка. Моя голова забита густой темнотой. Она больше никуда не ведет меня. Руки продолжают трястись.

Я вытащила ключ и попробовала еще раз его вставить. Пальцы трясутся, поэтому я не могу попасть в замок. Попробовав еще раз вставить ключ, я уронила его на пол. Согнувшись, попыталась его поднять. Однако не смогла. Потому что машину слишком сильно качает. Когда я наклонилась, что было мочи ударились лбом о руль.

Я бросила это занятие, откинулась на кресло и закрыла лицо обеими руками. Я расплакалась. Я могу только плакать. А слезы все лились и лились. Я совсем одна, заперта в этой маленькой коробочке и не могу никуда двинуться. Сейчас самая середина ночи, а эти люди продолжают качать мою машину. Они пытаются ее опрокинуть.